

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

КРЕДИТ НА СМЕРТЬ

ОН В ДОЛГУ ТОЛЬКО
ПЕРЕД СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ

Кирилл Казанцев
Кредит на смерть
Серия «Оборотни в законе»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972712
Казанцев К. Кредит на смерть : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64745-3

Аннотация

Жители захолустной деревеньки становятся должниками банка «Народный», в котором они якобы брали огромные кредиты. Селяне ни о каких кредитах ни сном ни духом – многие и слова-то такого не знают. До поры до времени уведомления о необходимости погашения многомиллионных задолженностей кажутся ошибкой или злой шуткой, но в один прекрасный момент в деревне появляются сотрудники коллекторского агентства и начинают выбивать из жителей долги. Остановить беспредел кредиторов берется спецназовец Иван Григорьев, который приехал в родную деревню в отпуск...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кирилл Казанцев

Кредит на смерть

Глава 1

Свист винтов заглушал музыку, звучавшую в плеере сержанта Антона Перевязкина. Красноватая пыль покрывала все его лицо и одежду так, что чистыми оставались лишь круги вокруг глаз, которые закрывал недавно прибор ночного видения.

Иван Григорьев понимал, что тоже выглядит не самым лучшим образом: «горка» вся изорвана, будто его собаки драли, на шее глубокая ссадина. Он дико устал и мечтал лишь о том, чтобы поскорее отмыться и рухнуть в кровать.

Соревнования были настоящим адом. Многокилометровый марш-бросок, скрытое перемещение по горной местности, преодоление водной преграды, ведение разведки дозорами, маскировка, имитация спасения раненого бойца с оказанием первой доврачебной помощи, захват штабной машины, языка и секретных документов. В финале уничтожение командного пункта условного противника. Они выполнили свою задачу, опередив по очкам соперников из спецназа бывшей братской республики. Когда все закончилось, навалилась усталость.

Вертолет медленно опустился на посадочную площадку.

Лейтенант Илья Конюхов подхватил свой «АК-74», хлопнул Ивана по плечу и заявил:

– Подъем! Чего ворон ловишь?

Пилот заглушил двигатели вертушки, но винты еще некоторое время продолжали вращаться по инерции, постепенно замедляясь. Иван поднялся, взял свой «Винторез», накиннул на плечи рюкзак, заметно полегчавший за время соревнований, и двинул к выходу. В первую секунду солнце снаружи ослепило его так, словно перед лицом взорвалась световая граната. Парню пришлось прищуриться и заслониться рукой от жгучих лучей, резавших глаза.

Оказавшись на земле, он обернулся, увидел, как из вертушки выбирался Перевязкин со своим гранатометом, и уперся взглядом в его саперные ботинки фирмы «Мартер Хорнер». Антон гордился ими и уже всем надоел своими рассказами о том, как приобрел эту обновку за три сотни зеленых. Мол, благодаря специальным свинцовым вставкам они амортизируют удар и предотвращают отрыв конечностей, если наступишь на мину. Будто бы наши «крокодилы», подбитые гвоздями, с ними и рядом не стояли.

Иван подумал, что и ему такие не помешали бы, да еще рюкзак с анатомической спинкой и нормальными плечевыми обхватами. Он ведь за эти дни всю спину в кровь стер. После очередного марш-броска Григорьев обязательно давал себе обещание приобрести все это, но каждый раз откладывал, а

потом вновь проклинал свои «крокодилы», рюкзак и экипировку.

— Ну что, по бабам, товарищи, — осведомился Антон, глянув на Ивана с хитрым прищуром.

Этой фразой сержант кратко изложил все свои планы на отпуск и ждал поддержки старшего товарища, но Иван его очень разочаровал, сказав, что поедет в деревню навестить родителей.

— Как знаешь. — Перевязкин вздохнул и хлопнул его по боку. — Если тебе нравится коровам хвосты крутить, то пожалуйста, вали в свою деревню...

Иван скривился от боли, а сержант хохотнул и заявил:

— Да ты прямо совсем раскис.

— Смотри, дожدهшься у меня, — припугнул приятеля Иван, напустив на себя грозный вид.

Конюхов, шедший впереди, обернулся к ним и, чтобы поддержать Ивана, бросил:

— Я тоже к своим поеду, а то жена уже, наверное, забыла, как я выгляжу.

— Только ты без предупреждения не заявляйся, лучше позвони ей заранее. Всякое может случиться, — ласково посоветовал Антон.

— Ты на что это намекаешь? — сразу ощерился Конюхов.

— Да ни на что, — с невинным видом ответил Антон. — Просто не хочу, чтобы случилась очередная семейная трагедия. Приезжает муж из командировки...

Он не успел договорить, как Илья с ревом бросился на сержанта, но Иван ловко ухватил обоих за куртки, распихал в разные стороны и крикнул:

– Что вы как дети, ей-богу! Сейчас обоим коленки прострелю – будет время подумать в лазарете...

– Да он дождется, мать его!... – задыхаясь, воскликнул Коныхов.

– Шутка это была. Не бузи, – оскалился в ответ Антон.

– Все, успокоились, – рывкнул на них Иван. – Я хочу тишины и спокойствия.

Однако тишины и спокойствия ему пришлось ждать долго. В плацкартном вагоне поезда прямо под ним расположилась веселая компания со стратегическими запасами спиртного. Иван старался отнестись к этому с пониманием, но в одиннадцать вечера, когда беспокойные соседи затянули пьяными голосами песню, его терпение лопнуло. Устное воздействие не возымело никакого результата, поэтому Григорьеву пришлось применить физическое, после чего в вагоне наступила долгожданная тишина. Проводница, проходившая мимо, озадаченно поинтересовалась, чего это люди валяются где ни попадя. Иван вежливо ответил ей, мол, притомились очень, до полок не смогли доползти.

– Хоть бы с прохода их убрали, что ли, – невозмутимо посоветовала она, осторожно перешагнула через тела и отправилась в свое купе, что-то бурча себе под нос.

Ворочать пьяных попутчиков никому не хотелось, поэтому они так и остались лежать до утра там, где их настиг кулак Ивана. Чувствуя легкие угрызения совести от содеянного, он стал укладываться. В другое время Григорьев и сам, может быть, присоединился бы к какой-нибудь веселой компании, чтобы скоротать время в пути, но только не сейчас. От усталости он всегда делался злым, раздражительным и абсолютно не компанейским, и в таком состоянии его лучше было не трогать. Да и компания, надо признаться, была не самая подходящая.

В общем, засыпая, Иван подумал, что все-таки сделал доброе дело. В вагоне ехали семьи с детьми, которым незачем было всю ночь слушать пьяный бред вперемешку с великой и могучей, но все же неформальной русской лексикой.

В стареньком здании сельского почтового отделения кипела работа. Начальница Надежда Осиповна отсчитывала деньги, предназначенные для выплат пенсии. Почтальон Елизавета Старостина сортировала корреспонденцию. Общим женщинам уже перевалило за шестьдесят, но работу свою они бросать не собирались. С одной стороны, это какая-никакая, а прибавка к их мизерным пенсиям. С другой, что тоже немаловажно, налицо уважение односельчан, укоренившееся за долгие годы работы. В каждом доме их ждали так, как никого другого. Они были чем-то вроде связующего звена между селянами и остальной цивилизацией.

Им часто приходилось отступать от должностных инструкций и буквально бросаться на помощь людям: нынче вызвать «Скорую», завтра сходить за лекарствами или за продуктами. Основной контингент на селе – это старики. Многим из них было уже не под силу даже заплатить за свет. Женщинам приходилось делать и это, и многое-многое другое.

Тихо скрипнула входная дверь, и в отделение вошла Валентина Игнатова, самая молодая сотрудница сельской почты. Ей было немногим за тридцать. Вежливая и доброжелательная, она всегда знала, как найти подход к человеку. Начальница возлагала на нее большие надежды, готовила себе в преемницы, ведь не вечно же работать ей самой.

Валентина отвечала за самый большой и сложный участок – пять сел, одно из которых находилось в шести километрах от почтового отделения. В одном селе жили всего две старухи, в другом – три да еще инвалид, но бросать их было все равно нельзя. Благодаря велосипеду, купленному на бюджетные средства, Валентина с работой справлялась. За день на своем железном коне она могла накрутить километров двадцать. Если учесть нагрузку в виде восьмикилограммовой сумки с корреспонденцией да авоськи с заказанными продуктами, получалось не меньше, чем у олимпийцев-тяжеловесов. Но она не жаловалась, и жизнь в почтовом отделении продолжала течь в своем тихом, размеренном темпе.

– Сегодня пенсия, – напомнила Надежда Осиповна Вален-

тине.

Та лишь застонала в ответ и сбросила сумку с плеча.

– Чего стонешь?.. Молодая еще, – бросила Елизавета Старостина.

– Чувствую, я тут до восьмидесяти в молодухах прохожу, – огрызнулась Валентина.

– Так и радуйся, – примирительно заметила Надежда Осиповна.

– А вы слышали, что было в соседнем районе на почте? – спросила Старостина, меняя тему разговора. – Смотрела я сегодня утром новости. Почтальонша, которая пропала полгода назад со всей пенсией, – жива. Она, оказывается, взяла деньги, аж пятьсот тысяч, и мотанула с любовником на юга. Там голубки все это время и жили. Их выследили и вчера поймали. Стали спрашивать, где деньги, а они уже все растратили. Теперь ее в тюрьму посадят.

– Ничего себе!.. – изумилась Надежда Осиповна.

Она прекрасно помнила, как они все переживали, когда молодая почтальонша в соседнем районе пропала вместе с деньгами. Люди думали, что маньяк какой завелся или бандит.

– Вот я и побаиваюсь! – продолжала Старостина. – Валентина у нас еще молодая. А ну как тоже прихватят с любовником деньги и укатят в теплые края. Дурной-то пример заразителен.

– Ой, распереживалась она, – фыркнула Валентина, скла-

дывая в сумку газеты. – Если не доверяешь, можешь сама по моему участку пенсию развезти!

– Да ладно, я пошутила, – пошла на попятную Старостина.

Она украдкой покосилась на начальницу, опасаясь, что та воспримет ее слова всерьез и заставит развезти пенсию за Валентину, но та молча пересчитывала деньги и никак не отреагировала на их разговоры.

– У меня, кстати, и любовника нет, чтобы уезжать с ним, – добавила Валентина.

– Не надо!.. Видели мы, как к тебе какой-то мужик несколько раз приезжал, – пошла в наступление Старостина. – Думаешь, люди слепые? Женатый небось, раз так скрывается.

– Не твое дело. – Валентина разозлилась еще больше, сделала пунцовую.

– Девочки, хватит вам! Я не могу пенсию посчитать, – воскликнула раздраженная Надежда Осиповна.

На некоторое время в почтовом отделении воцарила тишина. Уложив газеты, Валентина стала разбирать письма. Почти все они были заказными, из одного и того же банка. Еще из фирм, продающих биологически активные добавки. Три небольшие бандероли – скорее всего, какие-нибудь чудодейственные аппараты, излечивающие от всех болезней. Так, во всяком случае, обещают рекламные ролики и проспекты, в которые наивные старики верят куда больше, чем в официальную медицину. Да и где она, та медицина? В де-

ревне ее точно нет...

Первой нарушила тишину Осипова:

– А вы заметили, что писем стало больше? Одно время не было совсем, а сейчас снова пачками приходят, в основном из одного и того же банка. У тебя там что, тайные олигархи завелись? – снова стала цепляться она к Валентине.

– Я чужие письма не читаю, – глухо отозвалась та, не поднимая глаз.

– Ладно, давайте получайте деньги и вперед с песнями, – скомандовала Надежда Осиповна.

Валентина в ответ лишь тяжело вздохнула.

Родное село Голоштанное встретило Ивана неприглядными картинами разрухи и запустения. Дорогу по центру покрывали глубокие выбоины, напоминающие воронки от ковровой бомбардировки. Асфальт сохранился небольшими фрагментами то там, то сям. Человек несведущий никогда бы не понял, что перед ним дорога с твердым покрытием, обозначенная на карте района. Более того, по документам ее регулярно ремонтировали, а пару лет назад якобы заменили полностью дорожное полотно.

Иван помнил дорогу еще целой. Он с ватагой пацанов из деревни гонял по ней сначала на велосипедах, потом на мопедах. После дошел черед до мотоциклов. Теперь без проблем передвигаться тут можно было разве что на вездеходе. Такси, на котором ехал Иван, немилосердно трясло. Днище

чиркало по камням. Водитель матерился всякий раз, попадая в яму, старался как-то вырулить, но потом чуть не оставил выхлопную трубу на дороге и сдался.

– Все, дальше не поеду, – рывкнул он и резко затормозил.

Иван не стал спорить, заплатил, собрал нехитрые пожитки и пошел пешком. Звук мотора «Волги» быстро удалялся. Вскоре наступила тишина, нарушаемая лишь пением птиц да далеким лаем собак в деревне. По правую руку от Григорьева раскинулись колхозные коровники. Животных там не было уже давно. Полуразвалившиеся строения с немим укором смотрели на него пустыми глазницами оконных проемов. За коровниками раньше располагались свинарники, но теперь от них остались одни только фундаменты, да еще запах.

Двое таджиков грузили в «КамАЗ» кирпичи, добытые в разобранных строениях. Перед грузовиком был припаркован серебристый внедорожник, покрытый пылью. Рядом с машиной стояли трое мужчин, среди которых Иван узнал бывшего председателя колхоза «Звезда» Петра Семеновича Крынникова. Второй, судя по одежде и поведению, был водителем «КамАЗа»: широкое помятое лицо, всклокоченные волосы, засаленный спортивный костюм. На запястье у мужика болталась выдавшая виды борсетка. Он курил мятую сигарету и сплевывал на траву. Третьего, высокого молодого человека в светлом кремовом костюме, Иван никогда раньше не видел. Какой-то городской мажор. И как его только занесло в это богом забытое место?

Иван решил подойти и поздороваться. При его приближении водитель «КамАЗа» напрягся, а с лица мажора слетела улыбка.

Крынников несколько секунд с подозрением разглядывал Григорьева, затем узнал, расплылся в улыбке и шагнул навстречу.

– Иван, ты, что ли?

Тот пожал протянутую руку, хотел поздороваться с остальными, но председатель оттолкнул его в сторону и поинтересовался:

– Какими судьбами в наших краях? Родителей приехал навестить?

– Да, – буркнул Григорьев, поглядывая в сторону «КамАЗа». – А у вас тут что?..

– Да у нас тут все. – Разом погрузневший Крынников махнул рукой. – Распродаем последнее, чтобы долги отдать. Реорганизовались. Колхоз стал теперь ЗАО, да что толку!.. Работать некому. В селе одни старики остались. Техника – хлам сплошной. Долгов выше крыши. Умирает село, Ваня. Рядом Мирное уже год пустое стоит. Теперь наш черед пришел. Бегут люди из этих мест!

– А кому этот кирпич понадобился? – искренне удивился Иван.

Кирпич по санитарным нормам нельзя было использовать не только для строительства, но и вообще нигде, поскольку от него на километр несло навозом.

– Да вон нашелся какой-то дурак, хочет купить. А мне что ж не продать? За свет платить надо! Уголь покупать! Опять же горючку – куда без нее. – Бывший председатель принялся загибать пальцы.

– А землю в аренду не пробовали сдавать? – Иван окинул взглядом окрестные поля, поросшие бурьяном.

– Это кому же? – Крынников покачал головой. – Земли-то много, а фермеров по пальцам можно сосчитать. Вдобавок положение у нас тут невыгодное – далеко от дороги, да и с поливом проблемы. Все, что было из алюминия, давно поворovali. Железо сгнило. Приезжали тут двое с полгода назад, смотрели, обещали подумать, но так больше и не появились. Вон в соседнем селе и поливалки есть, и мужиков можно нанять для работы. А к нам сюда никто не сунется...

– Ладно, пойду я, – бросил Иван.

– Ну, шагай. – Крынников улыбнулся. – Передай привет старикам. – Он крепко пожал Ивану руку и вернулся к своим делам.

Григорьев пошел дальше, миновал обветшалую водокачку и оказался в селе. Половина домов здесь была заброшена. Огороды зарастали сорняками, сады превратились в настоящие непролазные чащи из переплетенных веток, увитых выюном и диким виноградом. Людей на улице тоже не было видно. Казалось, он попал в какой-то футуристический мир, который по причине необъяснимой катастрофы вдруг лишился людей. У Ивана неприятно засосало под ложечкой.

Он помнил, как раньше по улице вечером гуляли люди, бегали ребятишки, приветливо светили фонари на столбах, из окон клуба звучала музыка. Григорьев посмотрел на частично разобранный дом школы, и ощущение нереальности происходящего усилилось. На звук его шагов из развалин выбежали одичавшие собаки. Они с лаем бросились к Ивану, однако тут же шарахнулись назад, стоило ему только наклониться за камнем.

– Пошли вон! – рявкнул Григорьев и удивился, почувствовав какую-то растерянность в собственном голосе.

Он пошел дальше по улице. Собаки таякали ему вслед, но приближаться больше не смели. Справа с резким противным скрипом отворилась калитка, из которой вышла древняя старуха в замшелом платье и черном, побитом молью платке.

– Мария Петровна! – окликнул ее Иван, с трудом узнав свою школьную учительницу.

Однако старуха никак на это не прореагировала. Она так и стояла, глядя сквозь него куда-то вдаль.

Иван поспешил к воротам родительского дома, постучал в калитку и услышал веселое таяканье Барбоса. Отец или мать открывать не спешили. Возможно, их вообще не было дома. Иван легко перемахнул через ограду и увидел отца, выходявшего из сеней с ружьем в руках.

– Эй, батя! Да это же я, – воскликнул он, поднимая на всякий случай руки.

Из телефонных разговоров с матерью Иван знал, что зре-

ние у отца в последнее время заметно ухудшилось. Мог ведь и не признать.

– Вижу, что ты, – проворчал Григорьев-старший, нахмурившись. – Заходи, коли приехал. А то я уж думал, не дождемся мы тебя. Только на похороны приедешь.

– Да брось ты, – усмехнулся Иван, привыкший к отцовскому характеру. – Работа у меня такая. А ты чего с ружьем?

– Да ходят тут всякие, – коротко пояснил тот, шаркая ступнями по тряпке в просторных полутемных сенях, и рывкнул на Ивана: – Ноги вытри, мать только что полы вымыла! Завтра сможешь мне крышу починить в сарае да сви-нарник заодно почистишь.

– Это все на ближайшее время, или у тебя что-то еще есть? – с иронией спросил Иван.

У отца это получалось просто отлично! Он умел находить для других массу тяжелой и неприятной работы. Озадачит, бывало, всех, а сам в кусты. Скажет, что идет в сельсовет на собрание или подсобить механизатору с ремонтом техники, а вечером возвращается веселый, в подпитии, довольный жизнью. Время его нисколько не изменило. Иван тяжело вздохнул. Он уже видел себя чумазого, с вилами в руках. Да, после такого отпуска отдохнуть придется на работе.

– Еще картошку у соседей выкопаешь, – вспомнил внезапно отец, быстро пополняя перечень заданий.

– А они не будут против? – поинтересовался Иван, слегка опешивший от подобного поручения.

– В город переехали. Участок пустует. Вот мы картошку там и посадили. Еще свеклу, но ее позже убирать, – пояснил отец деловито. – Свиней-то надо чем-то кормить. Это тебе не колхоз, времена другие.

Мать на кухне закатывала банки с помидорами. Ее волосы были убраны под белую косынку. Поверх халата она нацепила клеенчатый передник. Вся сосредоточенная и внимательная, с кастрюлей горячего маринада в руках, женщина стояла перед целой батареей разнокалиберных банок, заполненных томатами, зеленью и приправами. В кухне пахло уксусом, смородиновым листом и пареным хреном.

– Смотри, кого я нашел во дворе! – похвалился отец.

Мать мельком взглянула на него и бросила радостным голосом, продолжая заливать банки:

– Ваня приехал. Давай, проходи, раздевайся, я сейчас закончу.

Отец с довольным видом полез в сервант за самогонкой, перехватил сердитый взгляд матери и проворчал:

– Так ведь сын приехал! Надо же как-то отметить.

– А тебе только это и надо, – буркнула мать и отвернулась к банкам.

Отцом это было расценено как благословение. Он достал бутылку с янтарной жидкостью, стаканы и потащил Ивана в комнату.

– Эй, а закусить? – напомнил ему сын.

– Такую штуку грех закусывать, – загадочно улыбнулся

отец, демонстрируя стальные коронки на резцах.

– Что, опять какая-то экспериментальная настойка вырвиглаз. – Иван с подозрением посмотрел на жидкость в бутылке.

Его отец славился по всему селу бесчеловечными экспериментами в области самогонварения. Свою продукцию двойной перегонки и пятикратной очистки он настаивал на всем, что под руку попадало, вплоть до куриного помета. Потом, когда у очередного дегустатора глаза лезли на лоб и подкатывала тошнота, еще утверждал, что все это очень полезно для здоровья.

– Я виноград рассадил, теперь вот домашний коньяк делаю по всем правилам, – разливая по стаканам напиток, пояснял Григорьев-старший. – Семеныч мне бочки дубовые смастерил. Я ему за это теперь по гроб жизни должен. Душевная вещь получается. В магазине такого не купишь.

– Точно не отрава? – Иван осторожно понюхал содержимое стакана.

– Да ты прямо как не мужик, – с досадой воскликнул отец, залпом махнул свой стакан, крякнул и добавил: – Я даже специально его слабеньким сделал, всего сорок градусов. Потому как знал, что вы там, в городе, все изнеженные.

– Ладно, за встречу, – буркнул Иван и осушил свой стакан. Напиток по вкусу действительно напоминал хороший коньяк.

– Как тебе это удалось? – удивился он.

– Секретная технология! Сам придумал, и эта тайна умрет вместе со мной, – заверил его счастливый отец, однако уже после второго стакана подробно расписал весь процесс, от сбора винограда до финальной фильтрации. – Кстати, в серванте бутылка стоит семисотграммовая из-под вина, смотри не выпей, – вспомнил он. – В ней настойка болиголова, страшный яд!

– А какого лешего ты его в серванте держишь? – изумился Иван. – Не боишься с пьяных глаз перепутать?

– Ну, во-первых, я себя всегда контролирую, – заметил отец, приосанившись. – Во-вторых, я его по вкусу всегда определяю, в-третьих, это лекарство для твоей матери. Она где-то вычитала рецепт и теперь лечится, так что слишком далеко засовывать его нет резона.

– Ой, смотрите, долечитесь вы, – покачал головой Иван.

Потом появилась мать с закусками: картошка, жареное мясо, салат, ветчина. Все пахло так аппетитно, что у Ивана заурчало в животе.

– Что, оголодал там, в своей армии, да еще и без жены? – язвительно спросил отец, наблюдая за тем, как сын ест. – Когда же ты женишься-то?

– Скоро, – пообещал Иван с набитым ртом.

– Да, дождешься, – махнул рукой отец. – Вон другие мужики уже все внуков обмыли. У Петровича в прошлом году такая гулянка была.

– Тебе бы только гулянки, – сердито заметила мать и лас-

ково попросила сына: – Завтра спустишь в погреб банки, а то этого лентяя не допросишься. – Она рассерженно толкнула в бок отца, который со счастливым видом снова разливал коньяк по стаканам.

– Постараюсь впихнуть это дело в свой жесткий график, – пошутил Иван. – Благодаря бате мне не придется без дела сидеть.

– Молод ты еще для этого, – с умным видом заметил Григорьев-старший, нахмурился и спросил: – Вот ответь, чем ты там в городе занимаешься, что нам потом письма приходят, будто мы денег задолжали?!

– Какие письма? – не понял Иван.

– Тебе лучше знать. – Отец насупился и вновь потянулся за бутылкой.

– Уймись уже, – заступилась за сына женщина и пояснила: – Письмо из банка пришло, да уже не первое. Мол, мы должны огромные деньги. Отец решил, что ты кредит взял, а расплатиться вовремя не смог.

– Ничего я не брал, – пробормотал Иван в растерянности. – Покажите мне эти письма.

Мать сходила в спальню, принесла три распечатанных конверта, передала их сыну и села обратно за стол. Иван посмотрел на конверт. Получателем значился его отец, ниже стоял адрес дома в селе и почтовый индекс. Отправителем был банк «Народный».

В первом письме, пришедшем два месяца назад, говори-

лось, что Александр Федорович Григорьев взял в банке кредит под залог дома и имущества на развитие бизнеса в размере трех миллионов сроком на двадцать лет. Далее прилагался график погашения кредита, из которого следовало, что отец должен выплачивать ежемесячно порядка тридцати тысяч.

– Что за бред! – вслух изумился Иван, отложил прочитанное письмо и взялся за второе.

На этот раз банк «Народный» уведомлял о просрочке платежа по кредиту и приводил расчет пени по ставке рефинансирования. Она была внушительной. В последнем письме, пришедшем два дня назад, банк грозился подать в суд на злостного неплательщика.

– Может, объяснишь, что все это значит?! – поинтересовался отец. – Письма-то просто так слать не станут!

– Верно, не станут, – согласился Иван, погруженный в свои мысли. – А вы случайно свои документы никаким проходимцам не давали? Ну, может, кто приходил, сказал, что вы выиграли что-то?

– Да нет, ты что!.. – покачала головой мать. – Мы телевизор смотрим, про всяких мошенников наслышаны. Я сама никому документы не дала бы, а отец вообще не знает, где они лежат.

– Ладно, я завтра съезжу в банк и разберусь с этим, – пообещал Иван, но отец запротестовал:

– Куда это ты собрался?! Эта хрень подождет. Завтра мы

крышу чиним, а то дожди пойдут, тогда пиши пропало.

– Не забудь про помидоры, – напомнила мать.

– Понял, – обреченно протянул Иван и действительно догадался, что отдых, о котором он так мечтал, откладывается на неопределенный срок.

– Ну, давай еще по одной, – предложил повеселевший отец.

– Саша!.. – Мать сердито сдвинула брови.

– Так сын же приехал, – оправдываясь, воскликнул тот. – И потом, ты же знаешь, что это сосудорасширяющее...

Упавшее дерево перегородило дорогу, и объехать ствол не было никакой возможности. Валентина остановилась, слезла с велосипеда и попыталась перетащить его через преграду. Однако сделать это оказалось не так просто. Тонкие ветки запутались в спицах, и велосипед застрял. Она тянула его и не слышала шагов за спиной. Женщина краем глаза увидела какое-то движение и резко обернулась.

Мужчина в маске уже стоял прямо перед ней. Бежать было поздно. Валентина с дрогнувшим сердцем подумала про пенсию, которую должна была разнести. Деньги лежали у нее в сумке – около ста шестидесяти тысяч рублей. Это из-за них ее подстерегли. Вот оно и случилось. Страх ледяной волной расплзался по телу.

Места вокруг настолько глухие, что кричать можно сколько угодно – все равно никто тебя не услышит. Километров

на пять в одну и в другую сторону раскинулся густой лес, перемежавшийся заболоченными низинами.

Онемевшими от ужаса губами Валентина пролепетала:
– Я отдам деньги.

По глазам незнакомца было видно, что он собирался что-то сказать, но в это время за ее спиной хрустнул валежник. Валентина хотела оглянуться, но не успела. В следующую секунду сильные руки обхватили ее за плечи. Могучая пятерня в пахнувшей бензином перчатке зажала рот.

Женщина в панике стала отчаянно отбиваться и мычать, старалась разомкнуть стальные объятия. В ее сознании не осталось больше ничего, кроме всепожирающего, дикого животного страха смерти. Вырваться любой ценой. Выжить. Она дернулась изо всех сил, и тогда громила, державший Валентину, резким рывком свернул ей шею. Хруст позвонков напоминал треск сухой ветки в огне. Тело жертвы моментально обмякло. В расширенных глазах застыло изумление.

Убийца, явно довольный собой, пихнул труп в сторону, хохотнул и заявил:

– Видал, как я ее усмирил?! Мастерство не пропьешь!

Его подельник в жесте отчаяния сорвал с головы маску и бросил на землю. Стало видно, что это пожилой худощавый мужчина, обросший щетиной, сквозь которую начала пробиваться седина. Его ярко-синие глаза пылали злобой.

– Профессор, я же сказал, тормознем ее! Я не приказывал мочить! На хрена мы, по-твоему, маски напяливали?!

– Так она закричать хотела, – обиженно буркнул второй и тоже стащил маску.

Открылись бритый череп и лицо типичного отморозка с одной извилиной в мозгу.

– Чего ты, Февраль, шумишь-то? Сейчас уберем...

– Я тебя самого уберу, – заорал в ответ пожилой мужчина, брызгая слюной. – Сказали тебе не мочить сразу!

– Так я и не мочил. Оно само как-то получилось, – попытался возразить Профессор, с беспокойством поглядывая на руку подельника, переместившуюся в правый карман.

Он знал, что Февраль временами совершенно слетал с катушек, поэтому внимательно следил за каждым его движением. Такой сперва завалит человека и только потом подумает, на кой ляд он это сделал. Его вспышки ярости были страшными, а две трети жизни, проведенные в местах не столь отдаленных, являлись их следствием. Все статьи мокрые!

Последние несколько лет Февраль вообще провел в тюремной психбольнице. Говорил, что специально, чтобы отмазаться, но Профессор сильно в этом сомневался. Дернул же его черт связаться с психом, который по всякому поводу хватался за пушку либо за нож!

– Чего ты стоишь и зенками лупаешь! Бери ее и тащи в лес, пока менты не нагрянули! – продолжал разоряться Февраль.

– Давай вместе, – осторожно возразил Профессор. – Я один не допру. Не дюймовочка!..

Однако его поделщик не был склонен к сантиментам.

– Да мне до одного места твои проблемы, – оскалился Февраль. – Я велел тащить! – В его глазах было столько ненависти, что Профессор невольно отшатнулся, склонился, аккуратно приподнял убитую женщину и медленно поволок ее в лес.

Февраль подобрал сумку почтальона, поднял велосипед и покатиł его в том же направлении. Он был доволен тем, что в очередной раз обломал молодого. Пусть беспредельщик знает, кто тут пахан.

Метров триста они продирались через кусты. Профессор очень быстро окончательно выдохся. По его лицу градом капал пот.

– Долго еще? – наконец прохрипел он.

– Тащи, поганец! Я тебе скажу, когда хватит, – прорычал Февраль, наслаждаясь ситуацией. – Запомнишь на будущее, как людей валить без разрешения.

– Давай остановимся, покурим, или я сейчас сдохну, – попросил Профессор.

– Тащи. Закончим работу, потом курить будем, – ледяным тоном возразил Февраль. – Давай в темпе!

Матерясь, Профессор потащил тело дальше. Через десять минут они уперлись в заболоченное озеро.

– Все, теперь мухой надыбай мне пару камней да волокни сюда, – приказал Февраль деловито. – Надо ее нагрузить, чтобы не всплыла.

Профессор растерянно огляделся и спросил:

– Где я тебе камней найду?

– В магазин сходи, – рявкнул на него Февраль. – Ты что, мальчик, что ли?

Камни Профессор нашел чисто случайно. На берегу озера ничего не было. Он обошел водоем два раза, потом углубился в лес, чтобы справить малую нужду, и случайно наткнулся на груды камней, торчавших из земли и заросших кустарником. Профессор прикинул и решил, что каждый весит килограммов по пять.

Февраль долго изучал его находку. Было видно, что он опять недоволен.

– Слишком маленькие или форма не та? – с вызовом спросил Профессор.

Он решил, что если подельник опять пургу станет гнать, то придется положить его рядом с бабой и спихнуть в болото.

– Бери за ноги, – зло проворчал Февраль. – Давай на счет «три».

Они раскачали тело и бросили подальше от берега. Обоих с ног до головы окатило брызгами. Тело ушло в мутную воду, на поверхность побежали пузыри.

– Ну вот, – оскалился Февраль, утираясь. – Расслабься и не бзди. Сейчас звякну шефу, скажу, что работу сделали.

– Спроси, когда он нам бабки отдаст, – напомнил Профессор, мигом оживившись.

За хорошую сумму он готов был выполнить любой за-

каз. Этот тип мечтал, что в один прекрасный день заработает достаточное количество денежных знаков и начнет новую жизнь. Как конкретно она будет выглядеть, Профессор не представлял. В его мечте отсутствовали детали, но имелось главное. Он будет иметь все, что только захочет, и никто не сможет ему помешать.

Набрав номер из серой потертой записной книжки, Февраль некоторое время ждал.

Затем ему ответил спокойный, ровный мужской голос:

– Да, слушаю.

– Это Борис. Мы... решили проблему с почтальоншей, – произнес Февраль многозначительно.

– Что?.. Я не понял, как именно решили, – уточнил сбитый с толку собеседник.

– Она, короче, ласты склеила. Так понятно? – сдерживая злость, пояснил Февраль и подумал, что их наниматель – полнейший придурок.

Все ему надо говорить открытым текстом. Никак не понимает человек намеков.

– Ласты склеила, – повторил собеседник. – Умерла, значит. И как это произошло?

– Быстро и тихо, – ответил довольный собой Февраль. – Короче, чистая работа. За это накинута полагается. Как за сверхурочные.

Профессор, прикуривавший сигарету, согласно кивнул. На мокрое дело они не подписывались. Даже разговора та-

кого не было. Значит, и платить за работу надо по отдельному тарифу.

– А я не просил вас ничего с ней делать, – ледяным тоном произнес заказчик, явно разгневанный не на шутку. – Какого хрена вы это учинили, а теперь еще и докладываете?

– Такого!.. – сорвался на крик Февраль. – Ты что, фраер, не догоняешь, что она была свидетелем? Я их не оставляю! Если думаешь, что ты такой верченый, то обломись. Мне нужны мои бабки, иначе уложу тебя рядом с почтальоншей! Догоняешь, вшивый, своим калганом, к чему я! Повторять не надо?!

– Не надо, – произнес собеседник.

Судя по тону, эти наезды его несколько не смутили.

– Не вздумай напарить нас, – предупредил Февраль. – Мы с корешем, если что, найдем тебя иотрежем все выступающие части тела.

– Встречаемся в восемь утра в кафе «Виноградная лоза» на выезде из города. Я отдам деньги. Знаете, где это? – спросил собеседник ровным тоном. – Едешь в сторону...

– Знаю я эту тошниловку, не загоняйся, – оборвал его Февраль. – Мы будем там, а ты вези бабки.

– Тогда до завтра.

– Пока, – буркнул Февраль, отключил телефон и сообщил подельнику: – Завтра получим бабки. Этот фраерок подгонит их к черной шашлычной на выезде.

– Он что, места получше не мог найти? – скривился Про-

фессор, вспомнив убогую обстановку заведения, паленую водку, которую там разбавляли водой, и фирменное блюдо – шашлык из Бобика.

– Да, надо было забивать встречу в каком-нибудь ресторане, мать его, – вздохнул Февраль, глядя на успокоившуюся водную поверхность, затем подхватил велосипед и швырнул его в озеро.

Профессор, желая помочь, хотел бросить в воду сумку почтальонши, но напарник перехватил его руку, грубо рванул и заорал:

– Что делаешь, придурок?! Надо проверить, что там! Она про бабки базарила.

– Да газеты там. Их и так видно.

Профессор обиделся и в очередной раз подумал, что пора бы Февраля пристрелить. Старик пинает его, как щенка. Однако мысли убийцы сразу же сменили направление, когда Февраль извлек со дна сумки увесистый сверток с деньгами.

Он с насмешкой посмотрел на Профессора и изрек:

– Дуракам деньги ни к чему. Это я забираю себе.

– Как?.. – возопил Профессор срывающимся голосом. – Давай делиться! Я ее завалил, основную работу сделал.

– Ни хрена не получишь, – процедил сквозь зубы Февраль. – Ты, чудило, хотел их выкинуть, а я спас. Значит, деньги мои. Если будешь быковать, я тебя мигом погашу. Что, хочешь попробовать?

– Нет, – после секундного молчания ответил Профессор

и посмотрел на подельника исподлобья.

Он решил, что теперь уж точно завалит старика, но чуть позже, когда им отдадут бабки.

Глава 2

Опыт, приобретенный в армии, сначала в военном училище, потом в разведке спецназа, оказался очень кстати, когда он устраивался на работу начальником службы безопасности банка. Ну и, конечно, знакомые помогли. Илья Петрович Сомов умолчал лишь об одном – о своем бесславном увольнении из ГРУ.

Тогда все как-то глупо вышло. На его родственника-коммерсанта наехали какие-то ушлепки. Он решил помочь разобраться, причем действовал не один, привлек нескольких бойцов, пообещав им материальное вознаграждение. В разгар разборки пустырь окружил СОБР. Уйти не было возможности, пришлось сдаться.

Потом в прессе разразился страшный скандал. Дескать, спецназовцы занимаются крышеванием – какой позор! Илье Петровичу пришлось срочно увольняться. Повезло еще, что в тюрьму не упрятали. Тех бойцов, что были с ним, тоже прогнали прочь.

Позже Илья Петрович узнал, что один из них, Вася Курагин, в настоящий момент работал охранником в ночном клубе и почти спился. Двое других исчезли – видно, подались в наемники.

Чтобы как-то искупить вину перед парнями, Илья Петрович встретился с Курагиным и предложил работать на него,

но тот отказался, причем без всякой причины. Сомов подумал, что бывший сослуживец просто махнул рукой на свою жизнь. Ему стало на все плевать. Что ж, его выбор.

Сам Илья Петрович на свое житье-бытье не жаловался. Платили ему хорошо, подразделение работало как часы. Все выверено и отлажено. Его напрягала лишь работа с должниками, которых у банка становилось все больше и больше. Люди хватали доступные кредиты, не думая о последствиях, и лишь потом понимали, что за все надо платить. Вот тут и начиналась игра в прятки с банком.

Работая с должниками, Илья Петрович то тут, то там преступал закон. Без этого не получалось – одно цепляло другое. Планка приемлемости постепенно опускалась. В ход шли все средства: угрозы, шантаж, запугивание и даже физическое насилие. Это затягивало так же неумолимо, как зыбучие пески. Он понимал, что превращается в банального рэкетира, но деваться было некуда.

Однако последнее задание оказалось просто из ряда вон. Надо было взыскать долги с жителей трех деревень, многие из которых давно переступили пенсионный возраст. Среди них были даже ветераны войны и ударники труда. В общем, контингент – хуже не придумаешь. А главное, кредиты у всех не маленькие, по два-три миллиона. Если деньги истрачены, то как взыщешь такую громадную сумму с древней старухи, которая живет в обветшалой халупе?!

Он отправил в деревни своих парней, чтобы разведали си-

туаацию, а сам твердо решил, что заниматься этим делом не станет. Пусть шеф найдет кого-нибудь другого.

В ответ на его мысли ожил сотовый. Звонил шеф. Илья Петрович в недоумении посмотрел на часы. Половина восьмого. Чего это он в такую рань? Однако придется ответить.

– Да, Альберт Джабраилович.

– Доброе утро, Петрович. Слушай, не в службу, а в дружбу заскочи за мной по пути на работу. Пашка погнал мою машину в ремонт, а на такси я ездить не люблю.

– Хорошо, буду, – пообещал Илья Петрович, подумав, что это весьма кстати.

По дороге он озвучит Альберту свою позицию без свидетелей. Если хочет, пусть увольняет. Плевать.

Сомов сунул телефон в карман и заглянул на кухню. На столе стоял завтрак, приготовленный женой. Сама она уже ускакала на работу. Детей тоже не было. Дочь отправилась в свой лицей, а старший сын уехал на занятия в университете. Присев за стол, Илья Петрович позавтракал в одиночестве, а затем отправился за шефом.

Профессор уверенно вел свою «четырнадцатую» по шоссе. Февраль сидел рядом, приканчивал вторую банку пива и наслаждался, но не напитком, а сознанием того, что подельник мучается, наблюдая этот процесс. Если бы они катались по городу, то Профессор уже давно принял бы на грудь, но им надо было ехать через пост ДПС, где его машину уже хо-

рошо знали и тормознули бы непременно.

– Да, хорошее пиво, – протянул с ухмылкой Февраль, подтрунивая над корешем. – Сейчас бы к нему воблы или раков. – Он скомкал пустую банку, бросил ее в окно и полез за следующей.

– Эй, погоди открывать, сейчас ментов проедем, потом можешь жрать, сколько влезет, – раздраженно бросил ему Профессор.

– Испугался! – прокомментировал его высказывание Февраль с видом знатока.

– Отвали, – прорычал Профессор в ответ, готовясь к опасному повороту.

В зеркало заднего вида он увидел черный джип, быстро приближающийся к ним. Сквозь тонированные стекла нельзя было разглядеть лица водителя. Профессор даже позлодствовал про себя. Мол, фраер за рулем джипа совсем деревянный, раз решил на такой скорости пройти поворот в сорок пять градусов. Вылетит, это как пить дать. Обогнать его у фраера не получится, это уж точно, разве что по встречке. Однако, к его удивлению, джип не пошел на обгон.

– Глянь, что этот козлина делает! – со смехом бросил он подельнику. – Обдолбался он, что ли?

Февраль с беспокойством посмотрел на джип. Он понял все еще до столкновения, но помешать аварии уже не смог. Джип легко коснулся бампером заднего колеса «четырнадцатой», и ее повело. Профессор лихорадочно пытался вы-

крутить руль в сторону, противоположную заносу, но при такой скорости это было бесполезно.

Машина перевернулась, проломила ограждение на повороте и полетела вниз по двадцатиметровому склону оврага, кувыркаясь и разваливаясь на части. Ее падение остановило сухое дерево, торчавшее на дне оврага. Мертвые почерневшие ветки пронзили смятый кузов «Жигулей». Заскрежетал разрываемый металл, затрещало дерево. Один обломок ветки пробил Профессору грудную клетку, второй вошел в плечо, а третий, качаясь, застыл в сантиметре от лица.

Затуманенным взглядом Профессор смотрел на эту ветку и думал, что жив лишь чудом. Все его тело страшно болело. Из многочисленных ран текла кровь. Он не мог пошевелиться и даже закричать, но тем не менее был жив. Неожиданно машина качнулась, и обломок ветки проткнул ему голову. Смерть была мгновенной.

В это время джип притормозил на повороте. Водитель глянул вниз, удовлетворенно качнул головой и нажал на газ. Дело было сделано. Джип развернулся и погнал обратно в город.

– Альберт Джабраилович, я хотел бы поговорить о деревенских жителях, которые нам задолжали, – начал Илья Петрович, когда начальник удобно разместился в салоне его авто. – Понимаете, там такая ситуация... словом, это может сильно навредить имиджу нашего банка. Я, правда, отправил

туда своих людей, чтобы они все разузнали, но прессовать парни никого не будут.

– Ты отказываешься выполнять свою работу? – Директор банка удивленно приподнял бровь.

Камаев сегодня был одет в костюм стального цвета. Иссиня-черные волосы гладко зализаны назад, чтобы не проглядывала ранняя лысина на макушке. В этот момент машина как раз остановилась на светофоре.

– У меня есть веские причины для этого, – сухо ответил Илья Петрович. – Как начальник службы безопасности я должен обеспечивать деятельность всех структур нашей организации, как информационных, так и финансовых. Нам задолжали одни старики да старухи. Все сплошь ветераны войны и труда. В прессе может подняться скандал. Мы привлечем ненужное внимание. Интересно выяснить, как они вообще эти кредиты получили. Я как раз собираюсь этим заняться.

– Ладно, сбавь обороты, – улыбнулся Камаев. – Я сам займусь кредитами. А насчет нашего участия в этом деле ты действительно прав. Я уже предпринял шаги, чтобы избавиться от данного портфеля просроченных кредитов. Банк переуступает право требования возврата задолженности коллекторскому агентству по договору цессии, так что можешь расслабиться. Теперь эти старики – их проблемы.

Илья Петрович почувствовал, как у него гора с плеч свалилась. Интересно, какой идиот купил такие проблемные

долги?.. На светофоре загорелся зеленый, и он поспешил надавить на газ, отбрасывая от себя посторонние мысли.

Лицо Камаева между тем сделалось серьезным, в голосе зазвучала сталь:

– Хочу предупредить тебя, Илья, что я не люблю, когда не выполняют мои приказы. Если у тебя еще раз возникнет желание возражать, то подумай об этом. Ты работаешь в команде либо уходишь.

– Я все понял. – Илья Петрович кивнул и пообещал, выкручивая руль на повороте: – Альберт Джабраилович, такого больше не повторится. Я просто не хотел, чтобы у нас были проблемы. – Он остановил машину у крыльца банка.

Камаев подхватил свой портфель, выбрался наружу, наклонился, заглянул внутрь и бросил:

– Зайди ко мне в кабинет через двадцать минут. У нас будет совещание. Подъедут люди из агентства. Я хочу, чтобы ты присутствовал на встрече с ними.

Очень скоро Иван понял, что марш-бросок – ерунда по сравнению с домашней работой под руководством отца, который не давал ему отдохнуть ни минуты. Когда Иван возмутился, тот схватил бревно и с обиженным видом поволок его к пилораме. Протащив груз метра два, он охнул, схватился за спину и сел на землю.

– Батя, что с тобой? – спросил Иван, подскочив к нему.

– Да вот не пойму, то ли сердце, то ли в спину стрельну-

ло, – простонал тот жалостливо. – Сынок, беги к матери, попроси у нее коньяка.

– Какой коньяк?! Тебя в больницу надо, – возразил Иван, взволнованный не на шутку.

– Нет, сынок, в больницу я не поеду. Я еще пожить хочу. – Отец покачал головой. – Уморят ведь там, а у меня хозяйство. Вот сейчас отлежусь и пойду дрова рубить.

– Сдурел, что ли? Я сам порублю, – воскликнул Иван, открыл дверь и завел отца в сени.

– И про картошку не забудь, – слабым голосом напомнил родитель.

Как Иван ни старался, отец так и не согласился отправиться в больницу. Уговорить Григорьева-старшего было так же просто, как стену. Основным лечением для него всегда являлся алкоголь – различные настойки, якобы целебные, да большое количество лука и чеснока. После пары дней такой вот медицины в хате топор можно было вешать.

Уложив отца на кровать, Иван пошел рубить дрова. Во дворе стояла мать в компании парней в хороших строгих костюмах.

Увидев сына, она растерянно произнесла:

– Вот из банка приехали за деньгами.

– Так, ребята, что за дела? – спросил Иван, с грозным видом наступая на незнакомцев. – О каких деньгах речь?

– О кредите, который взяли в банке ваши родители, – вежливо пояснил парень в очках с прямоугольными стеклами в

тонкой металлической оправе.

– Мои родители не брали никакого кредита, – отрезал Иван. – Это ошибка либо мошенничество. Мы на вас в суд подадим.

– Да, пожалуйста, подавайте, – скривился парень в очках. – Я хотел урегулировать вопрос мирным путем. Но если желаете судиться, то воля ваша. Это вам обойдется еще дороже. Я отсюда вижу, что вашего имущества и земли не хватает, чтобы погасить кредит, набежавшие проценты и штрафы. Надеюсь, вы не все денежки еще пропили. Не понимаю, как вам вообще кредит выдали! Дом – рухлядь. Да у вас вообще ничего нет, кроме земли.

– Еще раз объясняю! Специально для умственно отсталых, – терпеливо произнес Иван. – Мои родители в глаза не видели ваших денег.

– Это просто какой-то кошмар. – Парень нервно хихикнул, сделал знак своему товарищу, который тут же полез в кожаный портфель, и грустно поинтересовался: – Вы у себя в деревне сговорились, что ли? Понабрали кредитов, каждый на миллионы, а теперь твердите как попугаи, дескать, не видели никаких денег. Надеетесь на то, что взять с вас нечего? Вы думаете, это игра. Да по судебному решению вас выкинут на улицу.

– Ну, это мы еще посмотрим, – буркнул Иван. – А что, в деревне еще кто-то кредит взял в вашем банке?

– Кто-то!.. – В гримасе парня выразилось отчаяние. – Да

вся деревня набрала кредитов под самую сурепицу. Я говорю, что такого и в страшном сне не увидишь. Мой отдел занимается возвратом долгов, и мне теперь все это расхлебывать.

– Если бы мои родители взяли кредит, то этому было бы какое-то документальное подтверждение, – осторожно заметил Иван, косясь на мать.

– Мы точно не брали никаких кредитов, – возмущенно воскликнула она, перехватив взгляд сына.

– Документальное подтверждение хотите, – произнес парень, протягивая Ивану несколько листов бумаги, которые напарник извлек из портфеля. – Вот вам подписанный договор, заверенные копии документов, предоставляемые для получения кредита. Везде ваши подписи. Только не говорите, что кто-то за вас расписался. Лично меня эти сказки за сегодняшний день уже утомили. – Внезапно взгляд парня переместился за спину Ивана, он вздрогнул.

Иван обернулся и увидел отца, выходящего из сеней с ружьем в руках. Вид у него был очень решительный.

– А ну пошли отсюда, бандиты! – рывкнул тот и вскинул ружье. – Сейчас всех перестреляю! Вы вторглись на частную территорию!

– Батя, ты что!.. Опустит оружие, – ласково начал Иван, но отец его оборвал: – Молчать! Если ты с ними заодно, то я не посмотрю, что родной сын! Хочешь нас с матерью из дома выжить, да?!

– Да ты спятил, что ли!.. – закричала на него мать.

– Пошли отсюда живо! – закричал отец, багровея.

Казалось, еще немного, и грянет выстрел. Представители банка поспешили ретироваться к калитке.

На прощание парень в очках зло пообещал:

– Мы еще вернемся. С милицией. Посмотрим, что вы тогда скажете.

– Я сейчас выстрелю, – взвизгнул отец.

Парень рванулся на улицу, запнулся в калитке и растянулся во весь рост. Затем он вскочил, отряхнулся и отошел к джипу, буравя должников взглядом, полным ненависти.

Отец не опускал ружья, пока машина не скрылась из виду, потом облегченно вздохнул, опустил оружие и весело сказал:

– Видели, как я их напугал?! Вон как улепетывали.

– Ты не только их напугал, – заметил Иван.

Он уж было примерялся, как ловчее обезоружить возмущенного родителя, присмотрел толстый покосившийся кол на грядке. Думал, что вырвет его, в прыжке метнет в ноги отцу, затем подкатится снизу и вырвет ружье. Однако ничего этого, к счастью, не понадобилось.

– Да ты совсем одурел, старый черт! – гневно закричала на него мать. – Я чуть со страху не померла.

– Да я их только напугать хотел, – стал оправдываться отец с виноватым видом.

– Тебе это удалось, – кивнул Иван. – У тебя, кстати, лицензия на оружие имеется? Это ведь дедовское ружье, да?

Григорьев-старший посмотрел на сына как на полного кретина. Лицензия, разрешение на оружие – он таких слов даже не слышал. У многих стариков имелись ружья, но никто не думал оформлять их законным путем. Это ведь надо ехать в город, простаивать в бесконечных очередях. А так лежит ствол дома и никого не беспокоит.

– Какая, к черту, лицензия?! Я же не охотник. Держу оружие так, для самозащиты, – произнес он с недовольным видом.

– А если они сейчас милицию вызовут? – поинтересовался Иван.

– Не вызовут, потому что это мошенники, – уверенно заявил отец, однако в его глазах промелькнула тревога.

– Вот как раз такие милицию и вызовут, – ответил Иван и мягко отобрал у отца оружие. – Сейчас уже, наверное, расписывают, как мы на них напали и пытались убить. Надо срочно куда-то деть оружие, а потом разбираться с этим кредитом.

Однако отец наотрез отказался избавляться от дедовского наследства.

– Ты, сынок, сбрендил?! – гневно заявил он. – Времена нынче беспокойные. А вдруг война?! Сам-то в город умотаешь, а мы с матерью здесь останемся.

Иван подумал, что отец отчасти прав. Только оставлять оружие в доме все равно было опасно. Он решил сделать схрон подальше от дома, в лесу.

– Давай все, что дома имеется, включая порох, патроны и

пули, – приказал сын отцу.

Они вошли в дом. Отец поднял половицу, спустился под пол. Послышалась какая-то возня. Затем отец вытащил несколько свертков. В одном из них был карабин, в другом – винтовочный обреза. К этому добавилась еще пара пакетов пороха, мешочек с патронами, штык-нож и граната.

– А граната-то откуда? – изумился Иван.

– Да у мужика одного купил рыбу глушить, – пожал плечами отец.

– Ты бы еще гранатомет приобрел, чтобы ворон пугать на огороде, или противотанковую мину от медведки, – буркнул Иван, запихивая оружие в мешок.

– Да ему выпить надо было, вот он и пристал, мол, купи да купи гранату, – оправдывался отец.

– А если к тебе с атомной бомбой пристанут? – с иронией поинтересовался Иван. – Неужто тоже купишь?

– Конечно, – огрызнулся отец и протянул ему ключи от «Нивы». – Хватит отчитывать меня, как младенца! Этот мужик был похож на бандита, да еще и бухой. Мало ли что он мог с этой гранатой начудить тут, а так я у него отобрал ее, налил настойки с подорожником, и парень мигом протрезвел.

– Это такая темно-красная, а на дне бутылки всегда черный осадок? – спросил Иван с внутренним содроганием.

Он прекрасно помнил, как неосторожно хлебнул этой отравы несколько лет назад. Его полоскало минут пять, на

водку он потом год не мог спокойно смотреть. Даже сейчас запах алкоголя каждый раз вызывал у него образ термоядерной отцовской настойки, а во рту появлялся ее отвратительный, ни с чем не сравнимый кисловатый вкус.

– Да, темно-красная, – кивнул отец. – Очень полезная вещь, между прочим. Я собрал в ней все самые полезные травы – и от сердца, и от желудка, и даже от рака.

– Ага, такое универсальное средство от всех болезней. Хлебнул и откинулся. Больше уже ничего тебя не беспокоит. Лежишь себе в гробу, весь здоровый такой. Я уверен, что ты туда и болиголов добавил, чтобы уж наверняка подействовало.

– Несколько капель, не скрою, да и чистотела тоже, – подтвердил отец. – Смейся, но когда-нибудь все моей настойкой лечиться будут.

– Нет, я все-таки надеюсь на лучшее, – усмехнулся Иван, укладывая в багажник оружие, две лопаты, топор, веревку и рулон полиэтиленовой пленки. – Ты бы над вкусом поработал, что ли! Нельзя вот так просто смешивать все в одну кучу. После твоей настойки бензин компотом покажется.

– Вкус ему не нравится, – обиженно воскликнул отец. – Какие же слабые люди пошли! Ты вот стакан водки за раз, наверное, не сумеешь выпить даже.

– А я к этому и не стремлюсь. – Иван сел за руль «Нивы» и попросил: – Батя, открой-ка мне.

Ворча себе под нос, отец двинулся к воротам. Было видно,

что шел он довольно свободно, значит, недавний приступ радикулита был очередным спектаклем. Иван решил поднять эту тему, когда вернется.

Иван притормозил на лесной дороге у оврага, вылез из машины, огляделся, взял лопаты из багажника и двинулся в глубь леса. Там он отыскал укромное место на возвышенности. Вершина небольшого холма идеально подходила для устройства тут схрона. По всем признакам люди в этих местах были редкими гостями. Старый сухостой и густой подлесок, ошетилившийся ветками, образовывали непролазные дебри. Нет ни тропинок, ни даже следов.

Иван примерился, расчистил место и стал аккуратно срезать дерн. Он сворачивал его в небольшие скатки и складывал под старой сосной. Затем Григорьев расстелил полиэтиленовую пленку и стал вываливать на нее выкопанный грунт. Цветом он отличался от верхних слоев земли. Поэтому Иван относил его в сторону, к ручью и сбрасывал в воду, которая уничтожала следы работы.

Закончив копать, он укрепил стенки ямы обрубками веток и принялся готовить оружие. Для этого все металлические части Григорьев густо смазал маслом, каналы стволов залил парафином, растопленным здесь же при помощи паяльной лампы в жестяной банке. Каждый ствол он отдельно завернул в промасленную тряпку, потом все вместе обмотал мешковиной и двумя слоями полиэтиленовой пленки.

Иван крепко обвязал получившийся сверток веревкой и уложил его в деревянный ящик, позаимствованный в отцовском сарае. Боеприпасы он упаковал отдельно. Ящик сверху тоже обернул несколькими слоями полиэтилена и уже после опустил в яму. Туда же Григорьев положил двухлитровую флягу с бензином, чтобы было чем чистить оружие, если потребуется срочно воспользоваться им.

Побродив по округе, Иван натаскал к яме толстых веток и напилел бревнышек. Он уложил их на яму, укрыл оставшейся пленкой и раскатал сверху дерн. Получилось очень недурно. Твердая пятерка. Оставалось лишь уничтожить все следы да дополнительно замаскировать место валежником.

Обустройство схрона отняло у него без малого три с половиной часа. Родители, скорее всего, уже гадали, куда подевался их сын. Можно было, конечно, просто выкинуть оружие куда попало, но Иван не привык разбазаривать добро. Все стволы находились в хорошем состоянии. Просто грех выбрасывать. Мало ли что в жизни может случиться! Служба научила его предвидеть любые повороты событий и ситуации.

То, что происходило в деревне, настораживало парня. Иван пока не мог понять, что конкретно его беспокоит, но общая картина не нравилась, и все тут. Собрав инструменты, он пошел обратно к машине. Григорьев решил возвращаться домой другой дорогой, чтобы след «Нивы» не обрывался в районе схрона. Так будет спокойнее. Он поехал дальше и

скоро выбрался на старую лесную дорогу.

В животе у парня бурчало, он уже мечтал о щах, картошке с мясом и маринованных грибах, когда на дороге неожиданно появилось препятствие. Проезжую часть перегораживало упавшее дерево. Это было похоже на заранее подготовленную засаду. Иван спрятал в рукаве штык-нож, выбрался из машины и медленно подошел к стволу, прислушиваясь к звукам леса. Все вокруг казалось спокойным.

Иван осмотрел дерево. С одного взгляда ему стало ясно, что его срубили вчера вечером и уложили тут специально, для определенных целей.

«Что за разбойники могут быть в этой глуши?» – подумал Иван, переступил через ствол и замер как вкопанный.

На дороге были видны следы борьбы. В лес явно кого-то волокли. Трава уже успела распрямиться, но остались бороздки от каблуков и ветки, сломанные то тут, то там. По всем признакам выходило, что тут тащили человеческое тело. Иван осторожно огляделся и присел, чтобы лучше рассмотреть следы. По мере того как его взгляд скользил по поверхности дороги, картина недавнего преступления обретала яркие очертания и наполнялась смыслом.

Преступников было двое. Они долго поджидали жертву. Какая-то женщина доехала до дерева на велосипеде и спешила. Здесь на нее напали. Крови не было видно, поэтому точно сказать, убили бедняжку или просто оглушили, Иван не мог. Он пошел в лес по следам и оказался у озера. Жерт-

ву, скорее всего, бросили в воду. У Григорьева не осталось никаких сомнений в том, что она мертва.

Что ему теперь делать? Заявить о своем открытии в милицию? Иван стоял и думал, глядя на спокойную, затянутую ряской поверхность озера. В камышах надрывались лягушки. Где-то пронзительно кричала птица, испуганная его появлением. Жертве он уже никак не поможет, а вот у стражей порядка к нему сразу появится масса вопросов. Очень вероятно, что его даже сделают главным подозреваемым, просто так, за неимением лучшего.

Весь в тяжелых раздумьях, Иван пошел обратно к дороге по следам преступников. Ему удалось найти место, где они прятали машину. Судя по симметричному ненаправленному рисунку протектора, бандиты ездили на отечественном автомобиле из семейства «ВАЗ». Времени прошло достаточно. Преступники уже благополучно скрылись. Следов почти не осталось.

Что могут сделать милиционеры в такой ситуации? Спишут на него либо переквалифицируют в висяки. Перспектив никаких. Иван вздохнул, вернулся к машине и поехал домой. Убитая из местных. Значит, скоро он узнает, кто она, и постарается поспособствовать родственникам в поисках. Они вместе обнаружат тело, а потом уже можно будет разбираться, кто это сотворил.

Старший лейтенант милиции Игорь Николаевич Конопат-

кин служил участковым ровно столько, сколько себя помнил. Под его юрисдикцией находились три села, несколько дачных кооперативов и новый поселок, выстроенный на месте совхозных садов. После очередного сокращения личного состава РОВД ему добавили еще два села. Народнонаселения в них, конечно, поубавилось, но проблем от этого меньше не стало.

Теперь чудили в основном приезжие. То металлические оградки с кладбищ поворовали, то провода срезали, то технику из колхоза угнали. Головной боли добавляли дачные кооперативы, находившиеся на его участке.

Недавно в одном из них мужик спьяну повесился. Игорю Николаевичу потом пришлось целый день разбираться, вызывать людей из города, исписать кучу бумаги. Поздней осенью в дачных кооперативах начиналась волна воровства. Как никто другой, Конопаткин ждал первого снега. С его появлением звонки из дачных кооперативов прекращались до весны, а потом все повторялось. Люди приезжали на участки и обнаруживали вскрытые дома и сараи, исчезновение садового инвентаря, шлангов и труб. Еще были семейные ссоры, драки, хулиганство. Словом, работы хватало.

Этим утром ему позвонили из ГИБДД и сообщили об аварии со смертельным исходом на его участке. «Жигули» ехали со стороны Голоштанного и не вписались в поворот. Инспектор попросил приехать и глянуть, не его ли это подопечные. У одного из погибших имелись документы, а у второ-

го – ничего. Игорь Николаевич обещал, что подъедет, вот только захватит с собой помощника, которого ему прислали недавно.

Сержант выглядел хмурым и невыспавшимся. Конопаткин поинтересовался, по какому поводу у подчиненного красные глаза.

– Пацан простудился, орал всю ночь, – буркнул Царев, следя за дорогой сквозь лобовое стекло милицейского «уазика».

– А я думал, что ты всю ночь самогонку жрал. – Конопаткин усмехнулся и тут же с недовольной миной вытащил из кармана зазвонивший сотовый.

Из дежурной части сообщили, что в Голоштанном имело место покушение на убийство.

– Сговорились они, что ли? – с досадой воскликнул участковый и пояснил помощнику: – Сейчас заедем, глянем, что там у гаишников, а потом в Голоштанное. Покушение у них там! Опять какая-нибудь бабулька засветила деду кочергой за распитие самогонки или сослепу перепутала его с грабителем.

– А, это как в прошлый раз дед шмалил из ружья, – напомнил Царев с кривой улыбкой. – Решил, что бабка ему изменяет.

– Да, это придурок Федотыч чуть мне голову не снес, – кивнул Конопаткин, вспомнив этот случай. – Чудак не переставал палить, пока ему не объяснили, что он единственный

мужик на десять километров вокруг остался. Если его бабка и изменяла ему, то разве что с лешим.

За восемьсот метров от поста ГИБДД на выезде из города у крутого поворота он приметил машины гаишников. Рядом с ними к обочине приткнулась «Скорая помощь».

– Вон там они, – указал участковый помощнику.

– Вижу, – отозвался сержант.

«Уазик» недовольно взвизгнул тормозами, останавливаясь. Они вышли из машины и посмотрели вниз, туда, где лежала перевернутая легковушка. Рядом сустились гаишники. У «Скорой» курили санитар с водителем. Конопаткин поздоровался с ними и сообщил, что приехал опознать погибших.

– Ну, глядите. – Санитар пожал плечами и распахнул заднюю дверцу.

Оттуда ему на руки вывалилось бездыханное тело женщины в белом халате.

У Царева от изумления отвалилась челюсть. Конопаткин подскочил к водителю и помог опустить женщину на землю. Это была докторша, совсем еще молодая девчонка.

– Светка, что с тобой? – закричал санитар, тормоша ее.

Конопаткин потрогал пульс на шее девушки. К счастью, она была жива, почувствовала прикосновения, застонала и открыла глаза. Ее взгляд медленно блуждал по окружающим.

Водитель между тем заглянул в машину и громко сообщил:

– Эй, тут одного жмурика нет!

– Как это нет? – не понял Конопаткин. – Куда же он подевался? Не мог ведь встать и уйти!..

Подошли гаишники. Узнав об исчезновении трупа, они удивились не меньше участкового.

– Он встал, – простонала врачиха с глазами, полными ужаса. – Я такого еще не видела!

– А вы убедились, что это действительно был труп? – поинтересовался Конопаткин, помогая девушке подняться.

Она покраснела и смущенно пробормотала:

– Я проверяла стетоскопом, пульс щупала и зрачки. Может, я ошиблась?

– Да уж, наверное, – буркнул водитель. – Мертвые-то обычно не встают.

– Я просто недавно работаю на «Скорой», – стала оправдываться докторша. – Еще ни разу не выезжала на аварии. Чтобы вот так... Столько крови. Он был похож на труп. Я жутко испугалась, когда этот человек встал! Зачем же он убежал? Ему ведь требуется медицинская помощь.

– В машине нашли оружие и крупную сумму денег. Потому он ноги-то и унес, – пояснил инспектор ДПС, поднимая рацию. – Это четвертый. У нас с места ДТП труп сбежал.

– Что за шутки? – рявкнул в ответ дежурный по РОВД.

– Это не шутки, – возразил инспектор. – В разбившейся машине обнаружены деньги и оружие. Один из пострадавших, пользуясь тем, что его посчитали трупом, свалил из машины «Скорой помощи».

Он перечислил приметы сбежавшего покойника. Дежурный попросил описать характер ранений, и инспектор повернулся к докторше.

– Я не успела разглядеть, – всхлипнула она. – Помню, что на правой стороне лица имелась обширная гематома.

– Ладно, мы тогда поедем, – произнес Конопаткин. – Нам тут делать нечего.

– Давайте, – кивнул инспектор.

Потерпевший, молодой парень в дорогом костюме и аккуратных очках, придававших ему интеллигентный вид, ожидал их в здании сельсовета. Он назвался представителем банка, протянул накатанное заявление и предложил проводить до дома обидчика.

Конопаткин проглядел написанное, подивился и вежливо отказался от предложения:

– Вам лучше сейчас там не появляться, чтобы не спровоцировать новый конфликт. Ждите меня здесь. Я съезжу и проверю все на месте. Если факты, изложенные в заявлении, подтвердятся, то дело после тщательного расследования будет передано в суд.

– Неужели вы туда один поедете? – удивился парень. – Это же настоящее бандитское гнездо. Надо ОМОН вызвать или спецназ.

– Давайте я сам разберусь, что мне делать, – отрезал Конопаткин, раздражаясь.

Ему уже давно надоело, что кто ни попадя учит его вести

дела.

Тут еще совершенно некстати появился бывший председатель колхоза и деловито забасил:

– Игорь, ты уж разберись с этим Сашкой Григорьевым. Прямо чистый уголовник!.. Кидается с оружием на людей. Мне такие в селе не нужны.

– Разберемся, Петя, – отозвался Конопаткин с кислым видом, торопясь покинуть здание сельсовета. Еще минута таких поучений, и он точно взорвался бы.

Было заметно, что Крынникову очень не понравилось, что участковый назвал его Петей. Бывший председатель теперь считал себя едва ли не хозяином района и требовал соответствующего отношения к собственной персоне. В других колхозах люди уже давно оформили землю в собственность, поделили пай и сдавали свои участки в аренду. Крынников же тянул с этим, не оформлял колхозное имущество, чтобы легче было его разворовывать.

Вот кого надо было действительно арестовывать!.. Он давно уже оформил бы всю землю на себя и продал, если бы нашлся покупатель, но колхозные угодья находились в очень запущенном состоянии. Требовалось вложить в них немалую сумму, прежде чем что-нибудь получить. Система полива уничтожена полностью. Ни техники, ни людей. Коттеджи тут тоже не построишь, потому что село далеко от основных магистралей и дорога к нему в ужасающем состоянии.

Размышляя об этом, Конопаткин вышел на крыльцо, спу-

стился по ступенькам и влез на переднее сиденье «уазика». Царев завел двигатель и вопросительно посмотрел на начальника.

– К Прохоровым, – велел участковый и тяжело вздохнул.

Февраль очнулся и резко вскочил. Все тело прострелили иглы ослепляющей боли. Ребра наверняка были переломаны. Он едва сдержался, не заорал благим матом. Февраль с тихим стоном сорвал с лица простыню и увидел, что находится внутри машины «Скорой помощи», а у задних дверей по стеночке сползает девушка в белом халате. Ее лицо от страха было того же цвета.

Не говоря ни слова, Февраль встал, открыл боковую дверцу, вышел и спокойно зашагал вдоль дороги. Гаишники внизу занимались своим делом. Водитель что-то увлеченно рассказывал санитару, поэтому исчезновения пострадавшего никто не заметил. Он шел по дороге, удаляясь все дальше и дальше от места ДТП. Боль была просто чудовищной, но Февраль, сцепив зубы, терпел. Его сознание временами затуманивалось. Тело вело в сторону, но волевым усилием он вновь возвращался на дорогу.

Рядом притормозила грузовая машина.

– Эй, братан, что с тобой приключилось? – спросил участливо водитель.

– Да вот поскользнулся и упал с насыпи, – соврал Февраль. – Не подкинешь до больницы?

– Не вопрос. Садись, братишка, – хмыкнул водитель.

По манерам и наколкам на руках Февраль понял, что его новый знакомый уже пару раз сидел. Устроившись на сиденье, он почти мгновенно вырубился.

Водитель растолкал его возле больницы и весело сообщил:

– Приехали, братан! Сам-то дойдешь?

– Не инвалид, – прохрипел Февраль, хотя чувствовал себя полной развалиной.

Трудно было даже пошевелить рукой. Он утешал себя лишь мыслями о скором будущем. Когда Февраль доберется до заказчика, тот станет умирать долго и мучительно. Ему будет в десять раз больше!..

– Спасибо, братан, – выдавил из себя Февраль, через силу улыбнувшись водителю.

Потом была неудачная попытка спуститься из кабины «ЗИЛа». Его нога соскользнула с подножки, и Февраль едва не упал на асфальт.

– Падла!.. – Он всхлипнул и заскрежетал зубами от боли, но поднялся и захлопнул дверцу.

Машина отъехала от бордюра. Шофер махнул ему на прощанье, но у Февраля не было сил ответить ему тем же. Точно поломанная заводная кукла, он заковылял к зданию больницы. В приемном покое бандит соврал, что упал в подземном переходе, ударился головой и не помнит ничего – ни имени, ни фамилии.

– А ты точно упал? – засомневался врач. – Может, тебя избили?

– Нет, упал. Это помню, а больше ничего, – отрезал Февраль. – Слушай, дай обезболивающего, а то сейчас сдохну.

Ему дали лекарство и отвезли на рентген.

Потом врач озвучил то, что Февраль и так знал:

– Сломаны четыре ребра и пальцы на правой ноге. Имеются многочисленные ушибы. Лучевая кость на правой руке треснула, как и малоберцовая правой ноги. Вывих плечевого сустава. Повезло еще, что ребра не пробили легкие.

– Да, я везучий. – Февраль ухмыльнулся и протянул врачу пятитысячную купюру. – Это тебе за беспокойство. Получишь еще, если все хорошо пройдет. Не хочу, чтобы кто-то знал, что я здесь отдыхаю. Усек?

Врач на секунду заколебался, затем взял деньги и вышел из палаты, не задавая лишних вопросов. Февраль понимал, что долго в больнице оставаться не сможет. Нужно было подыскать надежную хату. Сотовый чудом выжил при аварии. Февраль достал его из кармана пижамы и набрал номер одного старого кореша. Тот ему был должен и не откажет в услуге. Едва он закончил говорить, вошли врач с медсестрой и повезли его в процедурный кабинет, чтобы наложить гипс.

Иван подъехал к дому родителей, посигналил, и створки ворот стали медленно расходиться. Однако открывал их не отец, а высокий, грузный седой мужчина в форме участко-

вого. Иван с трудом узнал в нем Конопаткина. В детстве они с пацанами дразнили его дядей Степой и конопатым. Однако, несмотря ни на что, он казался им героем. Мужики в деревне замолкали, когда милиционер проходил рядом с ними. От участкового исходила сила и уверенность. А теперь перед ним стоял старый и усталый человек, вовсе не похожий на супермена.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич, – поздоровался Иван, въезжая во двор.

Барбос бегал рядом, повиливая хвостом, и, казалось, никак не реагировал на участкового. Видимо, пес признавал в нем силу и не решался идти наперекор человеку, пахнущему оружейной смазкой и порохом.

– Ванька, ты, что ли?... – прищурился участковый. – А я-то думаю, кого это еще принесло. Ты как здесь?

– Да вот на побывку приехал, – ответил Иван.

Он вылез из «Нивы», захлопнул ворота и запер их на массивный засов, потом открыл гараж и загнал в него машину.

Участковый все это время внимательно наблюдал за ним, приглядывался к машине, потом спросил:

– Что, на охоту ездил?

– Нет, так просто по округе покатался, – соврал Иван с невозмутимым видом. – Соскучился я по этим местам. Поглядел, как все изменилось.

– Ну и что же ты у нас увидел? – Теперь глаза участкового внимательно изучали его.

Он будто ждал, когда Иван совершит какую-нибудь глупость, обронит лишнее слово, за которое можно будет зацепиться.

– Да ничего особенного, – уклончиво ответил Иван и в свою очередь спросил: – А вы как к нам и где мои родители? Уж не случилось ли чего?

– Может, да, а то и нет. С этим предстоит еще разобраться, – сурово ответил Конопаткин, разглаживая ремень. – Мой помощник сейчас в доме разговаривает с твоими родителями. А мы давай с тобой тут побеседуем. К нам поступил сигнал... – Участковый сделал многозначительную паузу. – Заявитель утверждает, что твой отец угрожал ему оружием полчаса назад и был при этом совершенно невменяемым.

– Да вы моего отца, что ли, не знаете? – Иван рассмеялся, делая вид, что вся история его от души позабавила.

На самом же деле ему было совершенно не до смеха. Неизвестно, что сейчас отец болтал там помощнику участкового. Еще, чего доброго, возьмет да и признается по дурости.

– Да и откуда у него ружье? Он ведь не охотник.

– Вот и я думаю, откуда у него ружье. – Участковый хитро улыбнулся. – Насколько мне известно, у Александра Федоровича нет ни разрешения, ни охотничьего билета. А если так, то владение оружием становится преступлением, за которое закрывают, причем надолго. Ваня, я тебя с детства знаю, как и семью твою. Давайте по-хорошему договоримся, и я оформлю добровольную сдачу. Денег за это еще получи-

те.

– Какое оружие? – Иван пожал плечами. – Позвольте я в дом пройду.

– погоди. – Участковый поймал его за руку. – Я последний раз предлагаю сдать оружие, потом проведу обыск и найду все сам. Это уже будет означать уголовное дело. Я имею право провести осмотр дома и надворных построек. Мне даже ордер на это не нужен.

– Пожалуйста, осматривайте все. – Иван улыбнулся вполне искренне.

Конопаткин посмотрел на него, кивнул и заявил:

– Ясно. Значит, выбросил оружие в реку и теперь герой.

– Можете и реку проверить, – фыркнул Иван, отворачиваясь. – Игорь Николаевич, не тратьте свое время попусту. Вашему заявителю все привиделось. Никто ему ничем не угрожал. Может, он выпивает или наркоман?.. Я не знаю.

– У него имеются свидетели, – спокойно возразил участковый.

– Я тоже могу десяток людей привести, которые подтвердят, что ничего не было, – зло буркнул Иван. – Будем в суде бодаться.

Участковый понял, что продолжать разговор бессмысленно, и пошел в дом. Иван ринулся за ним. Загораживая ему спиной дверной проем, Конопаткин встал на пороге гостиной, где Царев допрашивал старшее поколение Григорьевых.

– Так, закругляйтесь, – распорядился он. – Ваня мне все

уже рассказал.

Глаза старшего Григорьева изумленно расширились, но тут подоспел Иван и выкрикнул:

– О чем рассказывать-то? Мы честные люди.

– Вот именно, – заревел отец. – Идите лучше бандитов ловите, а не нас допрашивайте.

– Уже уходим. – Конопаткин поднял руки в примиряющем жесте. – Извините за беспокойство.

– Может, хотя бы дом осмотрим? – растерянно спросил Царев.

Он не понимал, почему начальник вдруг пошел на попятную.

– Да мы здесь ничего уже не найдем, – ласково пояснил ему Конопаткин, указывая на Ивана. – Вот этот молодчик успел к нашему приезду избавиться от оружия. Ствол сейчас, скорее всего, лежит на дне реки под слоем ила, и хрен мы его найдем.

Когда представители власти удалились, отец Ивана облегченно выдохнул и сказал, давясь смехом:

– Хорошо, что он на сеновал не полез, а то, как пить дать, нашел бы ракетную установку.

– Что? – завопил Иван, не веря своим ушам.

– Да шучу я, шучу, – успокоил его отец.

Глянув на лица представителей коллекторского агентства «Пилигрим», Илья Петрович Сомов понял, что старикам, за-

должавшим банку, придется несладко. Таких харь он не видел даже в лихие девяностые – просто ископаемые мастодонты. У двоих из трех сломаны носы. Третий, со звериным взглядом и лицом, покрытым то ли пятнами от ожогов, то ли со следами какой-то болезни. Словом, всей троице можно сниматься в фильмах ужасов без грима.

Главным из них был двухметровый бугай с пудовыми кулачищами, в кожаном пиджаке и черной водолазке. Его звали Сергеем. Он внимательно изучал договор, в то время как его товарищи откровенно зевали.

Камаев распорядился насчет кофе. Секретарша принесла поднос, расставила чашки, тарелку с печеньем. Амбалы неуклюже подцепили чашки. Один сразу же обжегся и тихо матюгнулся. Второй понюхал кофе и поставил чашку назад, решив, очевидно, что жидкость не пригодна для употребления внутрь. Лишь когда Камаев поставил на стол бутылку виски из бара, все оживились.

Сергей отложил в сторону договор, принял протянутый ему бокал и звучным басом сказал:

– Ну, Альберт, я текст прочитал. Мне все нравится, условия приемлемые, долг не старый, годится. Давай выпьем за то, чтобы и в будущем все было так же гладко.

– Давай, – согласился Камаев, привстав с бокалом виски в руке. – Подпиши.

Бугай ухмыльнулся, достал золотую ручку и расписался размашистым почерком на обоих экземплярах договора.

Они чокнулись, опрокинули стаканы.

Камаев забрал свой документ, глянул на подпись и серьезно произнес:

– Только предупреждаю тебя, Сережа, там вся клиентура своеобразная. Ветераны под девяносто лет. Не наломай дров. Если не сдержишься, я не хочу, чтобы кто-то связывал мой банк и ваше агентство. Мы тебя не знаем, ты – нас.

– Да нет проблем. – Бугай пожал плечами. – Мне вообще по фигу, ветераны они или нет. Вон мои ребята к ним заявятся, они им сразу все отдадут. Людям с такими фейсами не отказывают.

– Клонировешь ты их, что ли? – усмехнулся Камаев, кивнув на подручных Сергея.

– Нет, просто места надо знать, – самодовольно ответил тот. – Все бывшие спортсмены. Кто-то служил в горячих точках, проходил специальную подготовку. Я сам оцениваю кандидатов по внешним данным. Чем страшнее, тем лучше. Думаешь, люди так просто бабки отдают?.. Некоторые долги буквально зубами выгрызать приходится. На парней и с оружием кидались, собаками травили. Одна баба Горелому в лицо кислотой плеснула. Он чуть не ослеп.

– Да, работа еще та, – заметил Илья Петрович. – Если не секрет, какой у вас процент невозвратов?

– Да пока нулевой, – оскалился Сергей. – Только один мужик не успел вернуть, схлопотал инфаркт и откинулся, но потом мы деньги с его матери получили. Тоже, между про-

чим, ветераном войны была.

– Что значит была? – насторожился Илья Петрович.

– Да ладно, расслабься, Сомов. – Альберт похлопал его по плечу. – Чего ты к словам придираешься?

– Нам клиентов мочить не выгодно, – пояснил Сергей, похрустывая кулаками. – Бабки с них нужны. Поэтому работаем аккуратно и чисто. Так что не парьтесь, что мы как-то вас подставим, испортим имидж или еще чего замутим. У нас все четко, прямо как в аптеке.

– Ну, если сработаете гладко, то у нас для вас будут и другие предложения, – заверил его Камаев.

Когда амбалы ушли, он повернулся к Сомову и спросил:

– Ну что, теперь понимаешь, почему я не люблю обращаться к посторонним, а предпочитаю решать проблемы своими силами?

– Это агентство не единственное, – осторожно заметил Илья Петрович.

– Зато самое эффективное. Я наводил справки, – ответил Камаев. – Мы спихнули этот гнилой портфель им и забудем об этом. Банк практически ничего не потерял, но и не приобрел. Чувствую, на собрании акционеров мне достанется на орехи за эти дела. – Он замолчал, задумался, затем резко встрепенулся и заговорил уже с оптимизмом в голосе: – Так, Илья Петрович, теперь о более насущных проблемах. Твои парни устанавливают у меня систему охраны. Что-то они совсем не шевелятся.

– Я их потороплю, – пообещал Сомов с готовностью.

– Поторопи и подыщи мне четырех для охраны дома. Чтобы толковые ребята были, с лицензиями на охранную деятельность и с оружием, – продолжал Камаев.

– Вы что, к войне готовитесь? – озадаченно поинтересовался Илья Петрович. – Толковых быстро не подыщешь. Дня два-три надо.

– Занимайся, – кивнул Камаев.

Глава 3

Не успела Надежда Осиповна войти в двери, как возбужденная подчиненная огорошила ее неприятной новостью.

– Я так и знала! Она сбежала со своим любовником и прихватила все денежки, – выпалила Елизавета Старостина вместо приветствия.

– Кто? – застыла в изумлении Надежда Осиповна.

В глубине души она уже знала ответ на этот вопрос, но отказывалась верить. Подобное могло случиться где угодно, только не у них. В штате почтового отделения числилось три человека, поэтому немудрено было догадаться, кого собеседница имела в виду. Как Валентина могла решиться на такое? Может, это ошибка? Нет, Лиза точно что-то напутала. Она имела в виду кого-то другого.

– Кто? Игнатова, конечно! Я же ей вчера еще говорила, – сварливо ответила Старостина, разрушив последние иллюзии начальницы и ее надежды на спокойную старость. – Да ты помнишь, Надя. А она мне еще заявила, сама, дескать, почту разносит. Нет, говорит, у меня никакого любовника! А мне-то люди все рассказали. Просто так болтать не станут!

– Так, объясни все по порядку, – приказала Надежда Осиповна, присев на стул.

Ноги сами собой подкосились, лишь только она подумала о предстоящем скандале. Чем это грозило ей? Могли уво-

лить! Женщина не была сильна в юриспруденции, но подзревала, что ее, возможно, будут судить за халатность, скажут, что доверила деньги черт знает кому. Хуже того, заставят компенсировать потерю из зарплаты. Может ли такое быть?

Она тщетно старалась вспомнить, что приключилось с начальницей почты из соседнего села, когда там произошло нечто похожее. Из головы не выходил лишь жуткий скандал. Этот случай люди обсуждали до сих пор. Родители беглой почтальонши переехали жить в другой район.

Пока начальница мучилась от мыслей о грядущих катаклизмах, Елизавета Старостина подробно излагала историю начала своего рабочего дня. Она не забыла упомянуть о том, что пришла на почту на пятнадцать минут раньше.

– И сразу звонок. Из Горловки бабулька одна интересуется, почему не принесли пенсию. Потом второй, третий... Я позвонила Игнатовой, а у нее телефон недоступен. Как вам это нравится?! Я сразу заподозрила неладное. Позвонила соседям. Они сказали, что Валька сегодня дома не ночевала. Как утром уехала на велосипеде, так и все. Свет ночью не горел. Корова мычит не доенная. Сбежала, значит!

– Погоди!... Почему сразу сбежала? – возразила Надежда Осиповна, ухватившись за спасительную мысль, промелькнувшую вдруг в сплошной пелене страха, застилавшей ее сознание. – Может, вовсе даже и нет!

– А где же она? – пожала плечами Старостина. – Дома не

ночевала. Деньги взяла, пенсию не раздала и пропала.

– С ней могло что-нибудь случиться по дороге. Упала и сломала ногу или ударилась головой, – предположила Надежда Осиповна и зябко поежилась. – Может, Валя лежит где-то и истекает кровью?..

– Или сердечный приступ, – продолжила ее мысль Старостина. – Бывает и инсульт. Раз – и нет человека. Или маньяк!

– Все, хватит фантазировать, идем в милицию, – решительно произнесла Надежда Осиповна, поднимаясь со стула. – Ты видела ее любовника, того мужика, с которым Валю другие замечали?

– Я лично не видела, но мне довольно подробно его описали, – призналась Старостина. – Он ездит на белой «четырнадцатой». Не молодой. Среднего роста...

– Вот и расскажешь все это в милиции, – заявила Надежда Осиповна, пропустив ее вперед.

Затем она вышла сама и заперла дверь почтового отделения.

Находясь под действием болеутоляющих и наркотиков, Февраль чувствовал себя почти хорошо. Душа пела. Избитое и травмированное тело переполняла нездоровая энергия, а кровь просто кипела от ярости. Он бы мог бросить костыль и свободно идти на загипсованной ноге, но решил, что это не самая хорошая идея. Напротив, пусть противник считает его слабым и уязвимым.

Жестко улыбнувшись, он позвонил четыре раза условным сигналом. Дверь открыл испуганный небритый толстяк с всклокоченными волосами, одетый в синий домашний халат и тапки на босу ногу. От него пахло перегаром, каким-то приторным парфюмом и табаком.

– Привет, Толстый. Что, непустишь кореша в хату? – прохрипел Февраль и для вида пошатнулся, опираясь на костыль.

– Привет, Февраль. Что это с тобой? – удивился толстяк.

Страх сидел глубоко в его темно-карих, почти черных глазах, которые поблескивали в тусклом свете, словно у крысы. Он старался скрыть это, но ужас проступал наружу так же явно, как испарина или кровь при ранении, которая мгновенно пропитывала одежду насквозь. Испуг чувствовался в голосе и в движениях.

– Так ты, блин,пусти, и я расскажу, – зло буркнул Февраль, изображая обиду. – Мне помощь нужна. У меня есть деньги.

Упоминание о деньгах было своевременным.

– Да, конечно, заходи, помогу, чем смогу. – Хозяин квартиры мгновенно преобразился.

Алчность быстро пересилила страх, как, впрочем, и инстинкт самосохранения. Он сбросил цепочку и распахнул дверь. Февраль проковылял в темную прихожую, прищурился и рассматривал окружающую обстановку, в то время как Толстый старательно запирал засовы.

– Что случилось, рассказывай, – бросил хозяин, обернувшись к гостю.

– Да кинули меня, развели, как лоха последнего. – Февраль тяжело вздохнул и закашлялся.

Он сделал вид, что ощупывает грудную клетку, а сам незаметно взялся за пистолет, спрятанный в бинтах.

Из гостиной, раздвинув шуршащий декоративный занавес из искусственного камня, выплыла недовольная супруга хозяина квартиры.

– Вова, что это? – прозвучал в прихожей возмущенный голос.

Февраль улыбнулся, разглядывая ее. Ему мгновенно стало понятно, что данная особь женского пола совершенно не приспособлена для быта, служит лишь украшением в квартире, целый день просиживает на жопе, красит ногти да приглаживает волосы. И прическа у нее была какая-то дурацкая, старомодная, годов из восьмидесятых или девяностых. Февраль не мог припомнить, чтобы бабы теперь так ходили.

– Уйди, Маша, у нас серьезный разговор, – попросил Толстый, опасливо покосившись на гостя.

Февраль промолчал, аккуратно извлекая пистолет, запутавшийся в бинтах. Он клял себя за то, что не додумался надеть кобуру.

Супруга Толстого между тем раздухарилась не на шутку:

– Ты каждый раз приводишь в дом непонятно кого! Вечно накурят, наследят!.. В доме уже воняет твоими гостями! Не

думайте, что я позволю вам здесь водку пороть!

– Заткнись!.. – взвизгнул Толстый, которому от перенапряжения в лицо бросилась кровь.

В отличие от супруги, он понимал, кто стоит рядом с ним, и прекрасно знал, что может последовать за ее словами.

– Ты мне такое говоришь? – завопила жена во весь голос. – Это моя квартира...

Февраль не дал ей договорить, ударил по лицу наотмашь загипсованной рукой. Мария отлетела, ударилась о стену и сползла на пол.

– Не надо было так круто, – сглотнув, пробормотал Толстый таким тоном, словно гость всего лишь неудачно пошутит.

Его лицо покрылось испариной, хотя в квартире работал кондиционер и было отнюдь не жарко. Просто Толстому наконец-то стало понятно, что визитер опаснее, чем кажется, и явился не с баблом, а с проблемами.

– Разоралась твоя сука, – рывкнул Февраль и резко прижал хозяина квартиры костылем к стене. – Ты, падаль, конкретно подставил меня.

– Я ничего не делал, – бледнея, прохрипел Толстый. – Дал тебе нормального клиента.

– В натуре, что ли? – Февраль ткнул ствол пистолета в нос собеседнику и осклабился. – Этот нормальный опустил нас на бабки, а потом хотел замочить. Я соскочил, а Профессора он завалил. Босяк усох, а ты тут колотишь. Чего гнал, что ба-

бок будет немерено? Думал, эта параша на дурняк прокатит? – Я и правда не понимаю, что случилось. Может, вы что-то не так сделали? – выдавил из себя Толстый, закатывая глаза от удушья.

Февраль убрал костыль от горла жертвы. Хозяин квартиры упал на колени и стал судорожно ловить ртом воздух. Жена его лежала на полу в бессознательном состоянии. Из рассеченной скулы женщины текла кровь. Толстый одернул ее задравшийся халат и испуганно посмотрел на гостя.

Тот ухмыльнулся и велел:

– Тащи эту шалаву в зал. Там мы и побазарим.

– Ну, начнем, – выдохнул Сергей Живцов и похлопал по плечу водителя, чтобы тот остановил машину.

Темно-синяя «Тойота» затормозила перед полуразвалившимся бревенчатым домом, обнесенным покосившейся изгородью. Горелый с трудом выбрался из салона, захлопнул дверцу, расправил плечи, окинул взглядом ветхое жилище и скривился.

– Что-то стремно выглядит. Откуда тут бабки?.. Здесь бомжи, наверное, ошиваются.

– Больше оптимизма, – подбодрил его Живцов, открывая папку с документами. – Судя по бумагам, тут живет Зеленова Мария Петровна, тысяча девятьсот двадцатого года рождения. Домик, конечно, дрянь, но у старухи большая пенсия, а тратить ее некуда. Прикинь, сколько у нее за это время

на книжке скопилось. Лимон, не меньше. Надо только с ней поаккуратнее, чтобы не крякнула раньше времени. Ты, Кот, остаешься в машине, а Стена пойдет с нами.

Парень лет около тридцати внушительных габаритов с вечно сонным видом получил кличку Стена в местах не столь отдаленных. Однажды он признался сокамерникам, что работал в театре электриком, и как-то в одном спектакле ему доверили сыграть роль стены. Настоящий актер был пьян, не мог стоять на ногах, поэтому годился лишь на роль дров. Так кличка и пристала к нему навсегда. Парень был абсолютно безынициативный, но отлично выполнял приказы и при этом никогда не задумывался. Выбравшись из джипа, он поплелся за товарищами, слабо понимая, зачем они вообще заехали в эту глушь.

Живцов осторожно постучал в калитку, и она сама собой открылась с противным скрипом. Сзади залаяли собаки. Живцов прислушался, затем сообразил, что никто к ним не выйдет, и вошел во двор. Стена с Горелым молча последовали за ним.

На первой же ступеньке крыльца Живцов провалился сквозь подломившиеся гнилые доски и порвал брюки. Выругавшись, он потянул за дверную ручку, и она осталась у него в руках. Следом на Сергея рухнула дверь.

Гости отшатнулись, увидев древнюю старуху с желтым восковым лицом, изборожденным глубокими морщинами. Она смотрела на них, но не видела.

Живцов отшвырнул в сторону поломанную дверь и заговорил официальным тоном:

– Здравствуйте, Мария Петровна. Мы представители коллекторского агентства. У вас имеется задолженность. Вы брали кредит на развитие бизнеса...

Не слушая его, старуха прошаркала мимо, цепляясь за сгнившие перила, спустилась по самому краю ступенек и заковыляла к покосившемуся туалету.

– Мы пришли, чтобы взыскать задолженность, – растерянно продолжил Живцов, наблюдая за старухой.

Она зашла в туалет и захлопнула за собой дверь.

– Ну и что? – Горелый с вызовом посмотрел на Живцова.

– Сберкнижка у нее в доме, – оскалился тот. – Возьмем, наймем какую-нибудь старуху, и она за нее деньги в банке получит.

– Ну, это можно, – согласился Горелый, признав, что план предводителя не так уж плох, как казалось сначала.

Коллекторы рванулись в дом, пока хозяйка пребывала в сортире, но внутри их ждали неожиданные препятствия в виде беспорядочно расставленных в темноте вещей, склянок, мебели и черт знает чего еще. Кроме того, в помещениях стоял ужасный смрад.

– Кошка у нее, что ли, тут сдохла? – прохрипел Живцов, зажимая нос.

Света в доме не было. Горелый в поисках выключателя шарил по стене, получил удар электрическим током и навер-

нулся через табуретку. Стена споткнулся об него и свалил груды каких-то банок. Послышался звон разбитого стекла.

– Я порезался, – взвыл он в темноте.

– Осторожнее надо, – рывкнул на него Живцов и сам тут же запутался в какой-то веревке.

Рядом Горелый чиркнул зажигалкой, и комнату осветило слабое пламя. На стенах плясали черные тени. На полке серванта Горелый заметил старинную шкатулку и схватил ее. Вещь оказалась довольно тяжелой. В таких штуках старики обычно хранили все самое ценное.

Решив больше не рисковать, сотрудники агентства вышли на улицу и сели в джип.

– Давай к следующему дому, – скомандовал Живцов, пытаясь открыть шкатулку старухи.

Замок был достаточно простым, но прочным. Вскоре он заметил, как ему на штаны из шкатулки валятся кусочки бумаги, перевернул вещичку и увидел в дне дыру с неровными краями. Живцов подобрал несколько обрывков и понял, что это пятисотенные и тысячные купюры, только сильно измельченные.

– Эй, Кот, дай нож, – потребовал он у водителя.

Тот, не глядя, достал из бардачка охотничий нож в кожаных ножнах и протянул его начальнику через сиденье. Живцов снял ножны, осмотрел оружие, оценивая и прикидывая, выдержит ли сталь значительные усилия при работе на излом. Каплевидная форма клинка «дроп-пойнт» имела

надежный вид. Сталь немецкая, солидной толщины. Лезвие острое как бритва.

Он попробовал аккуратно поддеть крышку, но не тут-то было. Пришлось попотеть. Немного поковырявшись, Живцов все же вскрыл замок и, к своему ужасу, увидел мышинное гнездо, сделанное из огромного количества изгрызенных денежных знаков. На глаза ему попался даже кусочек пятитысячной банкноты.

Горелый заглянул в шкатулку и весело заметил:

– Вот ты и нашел бабкины накопления. Только чего нам с ними делать?

Живцов стиснул зубы, вышвырнул шкатулку в окно, потом с каменным лицом достал сотовый, набрал номер, дождался ответа и произнес будничным тоном:

– Привет, Света. Надо, чтобы ты пробила одного человека. Мария Петровна Зеленова из села Голоштанное, двадцатого года рождения. Мне нужны ее ближайшие родственники. Сделай это, пожалуйста, быстрее, золотко. Меня сроки поджимают.

– Хочешь родственников потрясти? – догадался Горелый.

– Да мне плевать, кто заплатит, но я все равно получу свои деньги, – отрезал Живцов и обратился к водителю: – Тормозни-ка вот здесь.

В следующем дворе их встретил лаем пес-кавказец громадных размеров. Затем открылась дверь, из дома вышел седой старик лет восьмидесяти в вытянутых трико и рваной

рубашке.

– Егор Кузьмич, уберите, пожалуйста, собаку, – вежливо попросил Живцов, сверяясь с документами.

– Здравствуйте. Вы из собеса? – поинтересовался старик, проигнорировав просьбу.

Его мутные глаза искажались толстыми стеклами очков.

– Нет, мы не из собеса, – терпеливо ответил Живцов. – Можно нам войти?

– Говорите громче, я не слышу, – прокричал старик в ответ так, словно это гости страдали глухотой, а не он сам.

– Собаку убери, – заорал Живцов, теряя терпение, и для верности стал изображать данное действие жестами.

Однако Егор Кузьмич истолковал сию пантомиму по-своему.

– Вы не знаете, как проехать в Синенькие? – спросил он, по-детски обрадовавшись своей догадке.

Живцов зверем посмотрел на Горелого, фыркнувшего со смеха, перегнулся через забор и заорал во все горло:

– Убери собаку, старый пень!

Кавказцу не понравились действия крикливого незнакомца. Порвав цепь, разъяренный пес кинулся на него. Живцов едва успел отпрянуть от клацающих собачьих челюстей. Пес рычал, захлебывался лаем и неистово лез через забор, который выглядел весьма хлипким, не способным удержать такую мощную зверюгу.

Стена выхватил пистолет, но Живцов остановил его гроз-

ным окриком:

– Стоять! Только стрельбы мне тут не хватало. Сваливаем отсюда. С этим волкодавом разберемся потом, по-тихому, а сейчас поедem дальше по списку.

– Что-то херня какая-то по твоему списку получается, – заметил Горелый с хмурым видом.

– Ну, первый блин, как известно, комом, – парировал Живцов, хлопывая дверцу машины.

Они переехали к следующему дому. Там жила чета пенсионеров, современников Куликовской битвы, тоже глухих. Живцов употребил все свое терпение, доорался до хрипоты, но все же объяснил старикам, что они должны более двух миллионов. Мол, пришло время платить. Дед схватился за сердце, захрипел и скатился с лавки на пол. Бабка кинулась к нему и заголосила на весь дом, что их убивают.

– Ну и что теперь? – поинтересовался Горелый растерянно.

– Что-что, – передразнил его злой Живцов. – Звони в «Скорую». Мертвый дедок нам не нужен. – Уже на улице он сообщил соратникам, что они меняют тактику, и пояснил: – Надо выбрать кого-нибудь помоложе, чтобы ясно понял, чего мы хотим, и донес это до остальных. Они же между собой как-то общаются. Припугнем, и дело в шляпе.

– Хорошо бы, – скептически заметил Горелый.

Живцов снова обратился к своему списку, пробежал его глазами, ткнул в лист пальцем и радостно воскликнул:

– Вот, Григорьевы. Ему шестьдесят два, ей пятьдесят восемь. По идее, должны быть вменяемыми, если, конечно, не синячат.

– Ну, поехали. – Горелый вздохнул, внутренне готовясь к новым проблемам.

– Фамилия и адрес заказчика? – в двадцатый раз спросил Февраль у хозяина квартиры, прикованного к батарее отопления и основательно избитого.

Рот Толстого был заклеен скотчем, и в ответ он лишь натужно замычал, дико тараща глаза. Его жена сидела у них за спиной, привязанная к массивному антикварному креслу. Ее рот был залеплен точно так же. Февраль хотел, чтобы она видела все, что он делал с ее мужем. Глаза женщины от страха были готовы вылезти из орбит.

– Так ты хочешь что-то сказать, мразь? – любезно поинтересовался Февраль, склонившись над жертвой.

Толстый закивал.

– Только не надо мне беса гнать, что не при делах и не в теме, – предупредил незванный гость, а затем быстро сорвал скотч со рта Толстого.

Тот шумно выдохнул, заскулил, наткнулся на грозный взгляд палача и затараторил:

– Я в натуре не знаю, кто он такой и где его искать! Он сам...

Ответ Февралю не понравился. За такое следовало нака-

зять как следует. Разъяренный Февраль резко и грубо вновь заклеил Толстому рот, взял с пола приготовленный утюг, включил штекер в розетку, повернул переключатель режимов на максимальную температуру и подмигнул жертве.

Потом он зловеще произнес:

– Этого никто не выдерживает. Сейчас ты обязательно начнешь каяться. Вонь, конечно, будет на всю хату. – Бандит помолчал, улыбнулся, удивленно пожал плечами и заявил: – Я вот не догоняю, зачем ты его покрываешь? Он тебе что, брат, сват? Сдай его, и кончатся эти напряги.

Плевков моментально зашипел на рабочей поверхности утюга. Февраль удовлетворенно кивнул и приблизил его к животу Толстого. Тот стал дико извиваться, плакать и мычать с мольбой в глазах.

– Что, готов побазарить? – с улыбкой осведомился Февраль.

Толстый энергично закивал.

– Назовешь фамилию, хату, места, где он зависает?

Толстый на мгновение задумался, потом опять закивал, а когда ему открыли рот, быстро выкрикнул:

– Я не могу назвать фамилию и адрес, потому что не знаю...

– Сука! – взревел Февраль, остервенело кидаясь на жертву.

Он долго еще издевался над хозяином квартиры, который периодически терял сознание, но ни в чем не признавался.

Под конец Февраль изнасиловал его жену, однако и это не дало результатов.

Между тем действие наркотиков и болеутоляющих средств заканчивалось. Боль постепенно возвращалась в искалеченное тело.

Когда Толстый в очередной раз пришел в себя, Февраль сорвал у него со рта скотч и приказал:

– Говори все, что знаешь! Спрашиваю последний раз! Потом обоих прикончу!

– Он сам мне всегда звонил. Номер телефона был скрыт. Это все, что я знаю! – взвыл Толстый со слезами на глазах. – Честно! Мамой клянусь! Своей жизнью! Чем хочешь!

С трудом сдерживая гнев, Февраль спросил:

– Как же вы с ним тогда вообще схлестнулись?

– Бурый дал ему мой телефон, а мне сказал, что человек проверенный, – ответил Толстый и шмыгнул носом. – Бурый не стал бы подставлять. Мы с ним много лет ведем дела. Всегда все четко было.

– Что за Бурый еще? – скривился Февраль. – Где мне его искать?

– Нигде, – голос Толстого упал. – С ним это... несчастный случай произошел. Машина сбила. Насмерть, короче. Дня четыре назад.

– Подфартило твоему Бурому, – оскалился Февраль и с досадой подумал, что заказчик умеет прятать концы в воду. Потом его осенило.

– Слушай, а как он тебе бабки за работу передавал?

– Наличные. Обычно оставлял в камере хранения в каком-нибудь супермаркете, один раз на вокзале. Всегда в разных местах, – быстро ответил Толстый.

«Опять облом», – с досадой подумал Февраль.

Было видно, что заказчик все учел.

Он с ненавистью посмотрел на Толстого и спросил:

– Как мне теперь его вычислить?

– Можно съездить и сделать распечатку телефонных разговоров у оператора, – мгновенно выдал Толстый, перепуганный насмерть, и сам удивился своей сообразительности.

– И что, там будет номер его мобильного? – с сомнением спросил Февраль.

– Будет. – Толстый уверенно кивнул, хотя на самом деле сильно в этом сомневался.

Перед ним стоял хладнокровный убийца, поэтому следовало использовать любую возможность, ложь, лазейку, только бы успокоить этого психа, выиграть время, попытаться найти выход, вырваться. Толстый не собирался умирать.

«Господи, помоги!» – как заезженная пластинка вертелась в его голове единственная фраза.

– Мы сходим туда вместе. Если ты гонишь... – угрожающе начал Февраль, но Толстый перебил его хриплым шепотом:

– Слушай, зачем ходить. У меня это, знакомый парнишка есть там. Надо только ему позвонить. Он сам все сделает. Мой сотовый вон там, на прилавке под зеркалом. – Толстый

указал в сторону изящной витрины из ореха.

– Ага, вижу, – кивнул Февраль.

Он поднес телефон Толстому, вызвал названный им номер и приложил аппарат к его уху, а сам присел рядом, чтобы все слышать. Парнишка-оператор оказался довольно смышленным и жадным до денег. Он признался, что узнать скрытый номер можно, а затем назвал цену за услуги. Толстый согласился. Уже через десять минут номер сотового заказчика, его фамилия, адрес и даже паспортные данные пришли в СМС-сообщении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.